

Подъ новой редакціей.

КНИГА IV.

КАВКАЗСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

№ 4.

Декабрь.

1905 г.

ТИФЛИСЪ.

Скоропечатня М. Мартиросянца, Пушкинск., д. Кредитн. Общ.
1905.

537

Годъ новой редакціей.

КНИГА IV.

КАВКАЗСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ

№ 4.

Декабрь.

1905 г.

ТИФЛИСЪ.

Изпечатня М. Мартиросянца. Пушкинск., д. Кредитн. Общ.
1905.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ДѢВИЧЬЯ БАШНЯ, поэма—П. С. Патканова (Историческая).	1
II. ИЗЪ ПОСЛѢДНИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ И. Папазяна. I. Morituri vos salutant II. Ручеекъ.	25
III. ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО—Г. Хатисова.	34
IV. ИЗЪ ГРУЗИНСКОЙ ЖИЗНИ—Х.	37
V. АРМЯНСКІЙ ВОПРОСЪ—А. Амфитеатрова.	44
VI. НАКАЗАНІЯ ВЪ ПЕРСИИ—А. К.	66
VII. КАВКАЗСКАЯ ХРОНИКА.—Г. Туманова.	73
VIII. БИБЛЮГРАФІЯ.	81
IX. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Дѣвичья башня (КЫЗЪ-КАЛА).

Изъ легендъ Закавказья.

ПОЭМА.

Я въ дѣтствѣ слышалъ сказку эту...
Съ тѣхъ поръ успѣлъ я жизнь прожить,
Скитался много лѣтъ по свѣту...
Но сказки той мнѣ не забыть..
Разсказъ о ней ужъ повторялся
Въ преданьяхъ старины сѣдой,
Когда еще надъ той страной
Россіи флагъ не развѣвался...
Когда въ Баку одинъ царилъ
Ширванскій ханъ, вассалъ Ирана ¹⁾
И только шаху Тегерана ²⁾
Онъ дань богатую платилъ,
Когда еще съ толпой удалой
Тамъ Стенька Разинъ не гулялъ,
И правовѣрныхъ кровью алой
Онъ волнъ морскихъ не обагралъ...
Въ тѣ отдаленные вѣка
Молва сложила сказку эту...
Я—не поэтъ! но все-жъ, слегка,

Въ простомъ разсказѣ, какъ могу,
Хочу о ней повѣдать свѣту...

I.

Въ виду дворца, на берегу,
Необычайное движенье...
Толпы несмѣтное стеченье...
Нестройный, смутный гулъ рѣчей,
Близъ грудъ наваленныхъ камней,
Подъ ржанье громкое коней,
Скрипитъ арба... Пилы хрипѣнье...
Досокъ шумливое паденье...
Трескъ... топотъ... стукъ молотка...
И бѣлой пыли облака
Каменотесовъ покрываютъ...
Уставъ, иные отдыхаютъ,
На старшихъ съ робостью глядятъ...
Но устабашей ³⁾ строгій взглядъ
Впередъ работу подвигаетъ...
Ханъ строитъ башню... Назначенье
Ея—загадка для гражданъ...
Толпа глядитъ въ недоумѣньи,
Понять не можетъ... Страшный планъ
Постройки той ее смущаетъ...
У моря—башня!... для чего?
Чтò—въ мудромъ разумѣ его?
Какое дѣло затѣваетъ?
Вассаль любимый падишаха ⁴⁾,
Служитель ревностный Аллаха,
Онъ былъ всегда отцомъ странъ,
Ее, какъ дѣтище, любившій
И безпрестанно лишь дарившій
Народу радости однѣ...

„Къ чему-жъ та башня? Что онъ хочетъ?
„Оставивъ всѣ свои дѣла,
„Зачѣмъ о ней онъ такъ хлопочетъ?
„Тутъ не безъ воли Духа Зла!“
И глухо, ропотъ затаенный
Сталъ разноситься средь гражданъ...
Но вотъ... къ толпѣ подъѣхалъ ханъ,
Блестящей свитой окруженный...
И стихло все въ одно мгновенье...
Державный, грозный властелинъ,
Хранить и знаетъ онъ одинъ
Всю тайну новаго строенья...
Зачѣмъ-же тайною заботой
Угрюмый взоръ его смущенъ?
Какою мыслью занять онъ,
Слѣдя такъ зорко за работой?...

II.

„Предѣловъ нѣтъ богатству хана!“
Гремитъ молва во всѣхъ концахъ...
Съ нимъ равенъ лишь одинъ Ирана
Самодержавный падишахъ.
Его чертоговъ пышныхъ сѣни
Манятъ волшебной красотой...
Коврами Персіи златой
Скрытъ мраморъ тысячи ступеней
Обширныхъ лѣстницъ... Стройно, въ рядъ,
Конюшни ханскія стоятъ,
Полны арабскими конями...
Ихъ сбруи—яркими камнями
И чистымъ золотомъ блестятъ...
Среди роскошнѣйшихъ садовъ
И день и ночь журчатъ фонтаны...

Ручные дремлют тамъ фазаны,
Подъ тѣнью розовыхъ кустовъ...
Съ вѣтвей гранатовыхъ деревъ,
Неумолкаемой чредою,
Птиць рѣдкихъ слышится напѣвъ.
Ручьи съ хрустальною водою
Богаты рыбкой золотою.
Какую ширь, какой просторъ
Съ терассъ дворца объемлетъ взоръ!
Тамъ... вдаль... раскинулося море...
И, словно стадо лебедей,
Бѣлѣтъ ярко, на просторѣ,
Ватага ханскихъ кораблей...
Манять въ плѣнительную тѣнь
Сады окрестныхъ деревень...
Стѣнами крѣпости высокой
Весь городъ пышно обнесень;
И, вокругъ, — куда ни взглянетъ око —
Все — нѣжитъ мысль, какъ сладкій сонъ...
Отдѣлкой чудной поражаетъ
Дворецъ внутри: слѣпя глаза,
И здѣсь, и тамъ — на всемъ сверкаетъ
Иль изумрудъ, иль бирюза.
Полы изъ рѣдкой мозаики...
Оружье блещетъ на стѣнахъ...
Ковры... хрусталь... Во всѣхъ дверяхъ
Видны рабынь красивыхъ лики...
Одежды ихъ — бѣлѣе снѣга...
Движенья — легки, какъ мечта...
Во всемъ, вездѣ — какая нѣга,
Какая роскошь разлита!
Его гаремъ — подобье рая.
Тамъ жены хана... Красоты

Лучами дивными сверкая,
Слезой тоски не омрачая
Свои прелестныя черты,
Онѣ цвѣтутъ... Въ шелкахъ Ширвана ⁵⁾,
Подъ дымъ лазоревый кальяна ⁶⁾,
Ведутъ бесѣды въ тишинѣ...
Кто — сказки слушаетъ охотно...
Кто — преданъ нѣгѣ, беззаботно
Мечтаетъ въ сладкомъ полуснѣ.
Иныя — рѣзвятся, поютъ...
Иныя-жь — спятъ, иль хана ждуть...
Веселой, дружной чередой
Ихъ дни въ забавахъ протекаютъ...
Заботъ мѣрскихъ онѣ не знаютъ,
Безпечны, счастливы душой...

И какъ межъ звѣздъ семьи прелестной,
Сіяетъ мѣсяць золотой,
Такъ между дѣвъ страны окрестной,
Хвалима славой повсемѣстной,
Всѣхъ затмѣвала красотой
Одна изъ юныхъ дочекъ хана...
Отъ Шемахи до Тегерана,
Отъ Карабаха до Нухи —
Сюда стремились женихи.
Но хану жаль разстаться съ ней...
Ему — дороже всѣхъ коней,
Богатства, всѣхъ сокровищъ края,
Всѣхъ женъ дороже и дѣтей —
Джаннатъ-ханумъ, его меньшая,
Его любимѣйшая дочь...
Ея глаза — черны, какъ ночь...

Ихъ блескъ съ сіяньемъ дня сравнится...
Съ рѣсницъ на щеки тѣнь ложится...
А брови—радуги, точь въ точь...
Въ ней—все: походка, станъ, движенья—
Волшебной прелести полны...
А голосъ—музыка и пѣнье
Не здѣшной, райской стороны...
Звѣзда полночная Востока,
И та теряла отблескъ свой,
Предъ этой дивной красотой,
Предъ этой „гуріей“, ⁷⁾ Пророка...
Какъ вешній, маковый цвѣтокъ
Смѣется нѣжно солнцу мая—
Была чужда земныхъ тревогъ
Ея улыбка неземная...
И въ той улыбкѣ—ангелъ рая
Ей позавидовать-бы могъ...
Она любви еще не знала,
Ей темень былъ языкъ страстей...
На лонѣ юныхъ, свѣтлыхъ дней,
Она, какъ роза, расцвѣтала...

III.

Но что-жъ съ ней стало? Что случилось?
Что значить этотъ странный видъ?
Зачѣмъ печалью такъ покрылось
Ея лицо? Гдѣ жаръ ланить?
Гдѣ блескъ очей? Что съ ней такое?
Она молчитъ... глядитъ съ тоскою...
Блѣдна... въ очахъ—потоки слезъ...
Какое горе пронеслось
Надъ этой дѣтской головою?
Разлука?... тяжкая-ль утрата

Томить ея младую грудь?
Иль, можетъ, ханъ съ кого—нибудь
Ужъ взялъ за дочь „кябинъ“ ⁸⁾ богатый?...
Служанокъ тѣсный полукругъ
Бѣдняжку тщетно утѣшаетъ...
Ни рѣчь, ни ласка добрыхъ слугъ
Ея тоски не унимаетъ...
Припавъ къ окну, она рыдаетъ
Подъ гнетомъ тяжкихъ сердца мукъ...

IV.

Какъ ранній лучъ звѣзды востока,
Какъ мраморъ статуи блѣдна,
Печально сидя у окна,
Джаннатъ по прежнему глубоко
Съ тоской въ мечты погружена...
И дѣтскихъ лѣтъ воспоминанья,
И мысль о матери родной,
Давно ушедшей въ міръ иной—
Еще сильнѣй родятъ страданья
Души разбитой и больной...
Конецъ... конецъ всему! Она,
Судьбой на смерть обречена,
„Такъ вотъ зачѣмъ онъ женихамъ,
„Сосѣднихъ хановъ сыновьямъ,
„Во мнѣ отказывалъ упорно,—
„Чтобъ такъ коварно, такъ позорно
„На гибель дочь свою обречь?!
„О! Лучше въ гробъ живою лечь!
„Но, ужасъ, ужасъ! Боже правый!
„И Ты... Ты можешь допустить?!
„Нѣтъ! Эту мысль въ него вселить
„Могъ только ада духъ лукавый!

„Тупѣть разумъ... сердце кровью
„Исходить... Гдѣ я? Что со мной?
„Отець — преступною любовью
„Пылаеть къ дочери родной!
„Ужель не дрогнетъ міръ земной?
„На мечь стихіи не возстануть,
„И громы Божіи не грянутъ
„Надъ сей безумной головой?
„Гдѣ ты, моя родная мать?
„Быть можетъ, ты могла-бъ отнять
„Меня отъ прихоти злодѣя...
„Но ты—далеко... и къ тебѣ я
„Напрасно стала-бы взывать
„Съ мольбой, въ слезахъ, въ тоскѣ унылой...
„Увы! Изъ нѣдръ сырой могилы
„Земнымъ мольбамъ уже не внять!
„О, горе, горе! Гнусной страстью
„Злой демонъ духъ его смутилъ...
„Но Богъ—великъ! Онъ дастъ мнѣ силу
„Избѣгнуть страшнаго несчастья...
„Чтобъ охладить безумье въ немъ
„Я долго средства измышляла...
„И вотъ, на берегу морскомъ
„Построить башню приказала...
„Сказала я: „На ней—высоко...
„Я буду ближе къ небесамъ...
„Три дня молиться буду тамъ—
„Аллахъ проститъ намъ грѣхъ жестокий!
„Зачѣмъ спѣшить?. Пожди немного!..
„Дай быть готовой ко всему!..
„Прощенье вымоливъ у Бога,
„Я грѣхъ безропотно приму!“
„Постройка башни, безъ сомнѣнья,

„Не мало мѣсяцевъ займетъ
„А время—лучшее леченье...
„Мечта больная въ немъ умретъ...
„Въ сей долгій срокъ Аллахъ, быть можетъ,
„Въ немъ духъ захочетъ просвѣтить
„И грѣхъ ужасный отвратить
„Святою волей мнѣ поможетъ...
„Но нѣтъ! я знаю—все напрасно!
„Его ничто не вразумить...
„И смерти серпъ ужъ, вижу ясно,
„Надъ головой моей блещитъ“...
И вновь волшебные глаза
Туманитъ горькая слеза...
Дрожатъ уста... лицо блѣднѣетъ...
Отъ мысли страшной цѣпенѣетъ
И стынетъ кровь... Отець родной
Ей смерть даритъ своей рукой...
„Аллахъ, Аллахъ! Иль въ книгахъ рока
„Моя судьба ужъ прочтена?
„Ко мнѣ одной зачѣмъ она
„Такъ безсердечна, такъ жестока?
„Зачѣмъ безвременный конецъ
„Она, такъ спѣшно, посылаетъ
„И равнодушно мнѣ сплетаетъ
„Страданій тягостныхъ вѣнецъ?!“

V.

Ужъ наступили дни Байрама ⁹⁾.
Одни изъ тѣхъ ужасныхъ дней,
Когда всякъ кровію своей
Окраситъ праздникъ Мэхаррама ¹⁰⁾.
Въ чадры ¹¹⁾ закутаны цвѣтныя,
На плоскихъ кровляхъ всѣхъ домовъ

Съ утра стоятъ толпы густыя
Изъ женщинъ города... Отцовъ
Увидѣть жаждутъ, мужа, брата
Среди фанатиковъ—бойцовъ...
Вниманьемъ все вокругъ объято...
Сейчасъ торжественно начнется
Великій праздникъ годовой...
И снова день тотъ роковой
Воскреснетъ въ мысляхъ, какъ живой,
И въ сердце каждомъ отзовется...
Всѣ ждуть и трепета полны...
Всѣ взоры вдаль устремлены...
Вотъ... показались! По дорогѣ
Густымъ туманомъ пыль стоитъ...
Толпа несмѣтная валитъ.
Въ пыли, въ крови босыя ноги...
Мелькаютъ тысячи головъ...
Яснѣй ужъ, слышно коней ржанье...
Верблюда ревъ, цѣпей бряцанье—
Все слилось съ топотомъ шаговъ...
Къ мечети ¹²⁾ главной направляясь,
Ведетъ всѣхъ рядъ передовой...
За нимъ, послушною гурьбой,
Какъ волны моря, колыхаясь,
Всѣ шагомъ медленнымъ идутъ
И тяжело въ грудь цѣпями бьютъ.
Надъ головами ихъ ужасно
Кинжаловъ лезвія блестятъ
И, мѣрно, вразъ, подъ стонъ согласный,
О кости черепа скрипятъ.
У многихъ, смѣло, какъ въ ножны,
За кожу груди и спины,
Клинки булатные воткнуты...

Гремятъ цѣпями... Въ рядъ сомкнутый,
За строемъ новый строй идетъ,
Покрытый одѣяньемъ бѣлымъ...
И кровь по лицамъ загорѣлымъ
Ручьями красными течетъ...
Толпа восторженная рада...
Святымъ огнемъ въ ней духъ горитъ...
И ужасъ страшнаго обряда
Ей сердце сладко веселитъ.
Но, вотъ.. краса всего Байрама,
Плыветъ, качаясь, балдахинъ...
Сидятъ въ немъ дѣти: дочь и сынъ,
Малютки павшаго Имама ¹³⁾...
Толпа за нимъ идетъ... реветъ,
И снова въ грудь цѣпями бьетъ...

МЭХАРРАМЪ.

„Убить, убить Имамъ-Хуссейнъ!
„Ждетъ мщенья праведная тѣнь!
„Шиты! ¹⁴⁾ Есть-ли въ цѣломъ мірѣ
„Еще такой ужасный день?!“

„Узнай, несчастный сынъ Имама—
„Свершилось злѣйшее изъ бѣдъ:
„Имамъ... отецъ твой—мертвъ... зарѣзанъ!
„Убить Имамъ!.. Имама—нѣтъ!!...“

„И сиротамъ... босымъ... безъ крова...
„Кто, кто его замѣнитъ намъ?
„Лишились мы его покрова!...
„Погибъ нашъ праведный Имамъ!“

„О горе, горе, правовѣрнымъ!
„Герзайтесь! Падайте во прахъ!
„Здѣсь смерть принявшій въ честь Пророка—
„Съ нимъ въ райскихъ встрѣтится садахъ!“

„Убить Имамъ рукой злодѣевъ!
„Отмщенья ждетъ святая тѣнь!
„Нѣтъ! Не бываль въ подлунномъ мѣрѣ
„Другой такой несчастный день!“

И вновь, звеня, блестятъ кинжалы—
Вновь тяжкій раздается стонъ...
Весь ужасъ дня былыхъ временъ
Толпа опять переживала...
Но кто сей всадникъ молодой?
Поднявъ кинжалъ надъ головой,
Зачѣмъ онъ взоры направляетъ
На окна ханскаго дворца,
И кровью жаркой обагрываетъ
Черты прелестнаго лица?
То—юный, честный Ибрагимъ,
Наслѣдный ханъ страны сосѣдней...
Любовью страстною томимъ
Къ Джаннатъ-ханумъ, онъ—не послѣдній
Изъ круга знатныхъ жениховъ,
Ея руки, какъ дара, ждавшій...
Въ „кябинъ“ полъ ханства предлагавшій...
Всегда на подвиги готовъ...
Чтобъ взоръ ея лишь усладить,
Чтобъ угодить очамъ прекраснымъ—
Теперь, на праздникъ опасномъ,
Ему ничто—всю кровь пролить...

Съ какой онъ удалю безумной
Сѣчется, весь горя огнемъ,
Служа примѣромъ, образцомъ
Для всей толпы, какъ море шумной...
Но тщетны все его старанья...
Джаннатъ ужъ не замѣтитъ ихъ...
Погружена въ свои мечтанья,
Подъ гнетомъ чувствъ совсѣмъ иныхъ,
Она душой теперь далеко
Ушла отъ міра и людей...
И крикъ толпы: „Шахсей! Вахсей!“¹⁵⁾
Не слышенъ ей въ тоскѣ глубокой...

VI.

Уныло дни за днями плыли...
Окончить башню ханъ спѣшилъ...
И вотъ... часы судьбы пробили...
Ужасный срокъ ужъ наступилъ.
Ликуетъ ханъ... Пришла пора
Его мечтѣ осуществиться...
Теперь не долго ужъ томиться—
Постройка кончена вчера...
И какъ съ той башней не старались,
Ему три мѣсяца казались
За цѣлый годъ... Но близокъ день!
И вотъ еще два дня терпѣнья...
Но силъ нѣтъ ждать... Дать мнѣ забвенья,
Приди скорѣй, ночная тѣнь!
А завтра!... О, съ какой отрадой
Тебя я втайнѣ буду ждать!...
Ты мнѣ одна должна воздать
За все мученія—наградой...

А между тѣмъ, Джаннатъ, страдая
Уже два дня на башнѣ той...
И съ ужасомъ часы считая
Все ждетъ развязки роковой...
Ея печали нѣтъ предѣла...
Ея томленью нѣтъ конца...
Но честный планъ спасти отца
Уже рѣшенъ въ головкѣ смѣлой...
Она спасти его должна
И не допустить преступленья...
И если для его спасенья
Въ отплату жизнь ея нужна?
Пусть смерть придетъ! Она— готова!
Но вотъ... насталь послѣдній день...
И приговоръ судьбы суровой
Бездушно скроетъ ночи тѣнь...

VII.

Смеркалось... Тихо за заливъ
Садилось солнце, влаги зыбкой
Поверхность ярко озаривъ
Своей прощальною улыбкой.
Неволью погружая въ лѣнь,
Густѣть ужъ стала ночи тѣнь...
Зажглись небесныя лампы...
И мирно, средь ночной прохлады,
Угомонился знойный день...
Уже съ вершины минарета ¹⁶⁾
Давно пропѣлъ старикъ-молла ¹⁷⁾
И спалъ весь людъ, свои дѣла
Забывъ до-завтра, до разсвѣта...
Вокругъ нѣмая тишина...
Все дремлетъ, тихо засыпая...

Лишь слышно, какъ волну волна,
Въ веселомъ плесѣ обгоняя,
Журчитъ и рѣзвой чередой
О башню хлещется порой...
То подбѣжитъ, прильнетъ къ ней страстно,
Отхлынетъ, вновь обнять спѣшитъ...
И утомясь борьбой напрасной,
Прочь съ грустнымъ шепотомъ бѣжитъ...
Все въ сонъ глубокой погрузилось,
Природу всю сковаль покой...
Но что-то грозное таилось
Подъ этой мертвой тишиной!!

И только солнечный закатъ
Смѣнился тьмой, тая рыданья,
На башнѣ, бѣдная Джаннатъ,
Съ душой, уставшей отъ страданья,
Служанкѣ вѣрной, какъ въ бреду,
Теперь сквозь слезы говорила...
„Иди-жь, иди!“ она твердила,
„Ступай къ нему! Зови! Я жду!
„Родной палачъ дочерней доли,
„Что-жь медлитъ онъ, нейдетъ сюда?
„Джаннатъ его покорна волѣ...
„Сегодня—срокъ! Я знаю... Да!...
„Постой! Скажи... Джаннатъ—рѣшилась...
„Аллахъ ей душу просвѣтилъ...
„Три дня въ слезахъ она молилась...
„Онъ видитъ все—и все простилъ!“
И непрерывно все твердила
Въ забытн тяжкомъ, какъ въ бреду:
„Иди-жь къ нему! Зови! Я жду!...
„Завѣтный часъ судьба пробила!“

Раба ушла... Послѣдній звукъ
Шаговъ затихнулъ въ отдаленнѣи...
Въ безмолвнѣи тягостныхъ томленій,
Въ тоскѣ, ломая пальцы рукъ,
Подъ гнетомъ душу рвущихъ мукъ,
Упавши ницъ, въ изнеможеннѣи—
Рыдаетъ бѣдная Джаннатъ...
Мученнѣи пытки, цѣлый адъ,
Кромѣшннѣи адъ въ груди несчастной...
Спасеннѣи нѣтъ! Мечта напрасна...
Отца она не убѣдитъ...
Въ бездушномъ сердцѣ звѣрь сидитъ
Съ страстями хищными своими...
Смерть! Рѣшено!!... Иначе—стыдъ,
Которымъ мнѣ весь заклеимитъ
Его запятнанное имя
И разнесетъ молвой далекой—
Но какъ ужасно, какъ жестоко.
И жизнь и молодости цвѣтъ,
Все, все терять на утрѣ лѣтъ,
Не зная всю жизнь, со дня рожденнѣи,
Любви святого назначеннѣи...
„Аллахъ, Аллахъ! Святая Воля
„Твоя да будетъ надо мной!
„Возьми меня! Въ Тебѣ покой
„Моя найдетъ, быть можетъ, доля!“
И вѣры искренней полна,
Не поднимаясь съ колѣней,
Въ молитву жаркую она
Была душой погружена...
Такъ нѣсколько прошло мгновеннѣи...
Но... вотъ ужъ слышенъ скрипъ ступеней...
Шаги?!... идутъ!... идутъ!... Скорѣй!...

Вся кровь остановилась въ ней...
Она вскочила, застонала,
Вкругъ дико взоромъ обвела...
И вдругъ, какъ вихоръ, какъ стрѣла,
Къ периламъ башни побѣжала...

И въ тотъ-же мигъ, въ тиши нѣмой,
Съ ея вершины роковой,
Окрестность звучно оглашая,
Пронесся крикъ... потомъ пропалъ,
И крику этому внимая,
Самъ адъ въ испугѣ задрожалъ...
Мелькнувши бѣлымъ, на мгновенье,
Скатилось что-то въ бездну водъ...
Глубокій плескъ воды... и вотъ—
Круги въ поверхностномъ движеннѣи
Ужъ совершали свой чередъ...
И стихло все... но, замирая,
Тотъ крикъ все-жъ ясно слышенъ былъ—
И дальнимъ эхо долетая,
Онъ, будто, что-то говорилъ...
И слышно было въ этомъ звукѣ
Рыданье, съ горестной мольбой,
Послѣдннѣи вздохъ жестокой муки,
Бой смерти съ жизнью молодой,
И вопль отчаянный разлуки
Съ людьми, со свѣтомъ и землей...

Любви владычица, луна,
Видала все... Ей стыдно было...
Грѣхомъ людскимъ оскорблена,
Она свой ликъ за тучку скрыла,

Смущенья гнѣвнаго полна...
Какимъ брезгливымъ отвращеньемъ
Сверкнулъ ея тревожный взоръ...
Ей, точно, чудился укоръ
Подъ этимъ гнуснымъ преступленьемъ...
А звѣзды плакали, мигая...
На ихъ рѣсницахъ золотыхъ
Дрожали слезы... скорбь нѣмая
Въ мерцаньи чувствовалась ихъ.
И вотъ... одна засеребрилась...
Блеснула искрой огневой
И быстро, книзу покати́лась,
Тускнѣя въ синевѣ ночной...
Такъ иногда въ нѣмой тоскѣ
Лицо красавицы мрачится...
И вдругъ, по мраморной щекѣ
Слеза нежданная катится...

И вотъ, до той поры безмолвный,
Миръ вдругъ проснулся... Моря волны
Зарницей ярко освѣтились...
Пронесся громъ... и прокатились
Надъ лономъ тьмой покрытыхъ водъ
Его далекіе раскаты...
А черныхъ тучъ семьей косматой
Ужъ покрывало небосводъ...
Холоднымъ вѣтромъ потянуло...
Глубокій мракъ густѣлъ вокругъ.
Тогда надъ самой башней, вдругъ,
Стрѣла небесная сверкнула...
Раздался снова страшный громъ...
И вихря вновь порывъ могучій...
Тутъ грозная, густая тучи

Внезапнымъ грянули дождемъ...
Вода съ небесъ лила ручьями
И, затопляя все кругомъ,
Уже, въ стремленьи роковомъ,
Неслась широкими рѣками...
Водой вся башня заливалась...
Вздымалась на волну волна...
Природа, точно, пробуждалась
Отъ тяжкаго больного сна...
И, оскорбленная, она
На мечь жестокою собиралась...
Стихи, словно, сговорились
Поступокъ, имъ обидный, смечь
И въ яростный союзъ сплотились,
Чтобъ человѣку отомстить...
Ревѣло море... съ грозной силой
На башню гнѣвъ свой устремивъ...
Пожаромъ молнія свѣтила,
Окрестность ярко озаривъ.
Стихи въ страшномъ озлобленьи
Свои всѣ силы напрягли,
Чтобъ ненавистное строенье
Совсѣмъ стереть съ лица земли...
Всю ночь природа бушевала,
Вступивъ съ людьми въ открытый бой,
Блескъ молній, громъ и вѣтра вой,
Стенанье бури роковой—
Она мечемъ своимъ избрала...
Вдругъ... почва страшно содрогнулась—
Подземный гулъ такъ слышенъ былъ,
Что, мнилось, тамъ... внутри, проснулась
Еще одна изъ грозныхъ силъ.
Природа злобно наслаждалась...

Ей мщенье—по душѣ пришлось...
Земля и небо—все смѣшалось
Въ одинъ ужаснѣйшій хаосъ.

VIII

Что-жъ случилось съ ханомъ? Гдѣ-же онъ?—
Конца печальнаго начало...
Ужели, невредимъ нимало,
Онъ карой Божьей обойденъ?
Злодѣй! Иль совѣсти когтистой
Укоры не страшны ему?..
И мыслить онъ, что сердцемъ чистый,
Онъ не познаетъ ада тьму?
Земныхъ освободясь оковъ,
Ужель онъ, безъ стыда и страха,
Предстанетъ предъ судомъ Аллаха,
Со всею тяжестью грѣховъ?!

Въ одной изъ свѣтлыхъ залъ дворца,
Толпой придворныхъ окруженный,
Глубоко въ думу погруженный,
Съ надменной важностью лица—
Недвижно грозный ханъ лежитъ
И мрачно вдаль глядитъ...
Предъ нимъ, заботливой рукою,
Поставленъ рѣдкостный кальянъ,
Но, полонъ думою нѣмою,
О немъ забылъ суровый ханъ...
И тщетны были всѣ старанья
Рабовъ, придворныхъ и друзей,
Забавой, прелестью затѣй
Въ немъ усыпить души страданья...
Увы! Безцѣльны и напрасны

Всѣ ихъ заботы передъ нимъ...
Печалью мрачною томимъ,
На все взиралъ онъ безучастно...
Напрасно звукъ зурны ¹⁸⁾ визгливой
Каваловъ ¹⁹⁾ грохотъ заглушалъ...
И вопль „ашыга“ ²⁰⁾ замиралъ
Подъ кяманчи ²¹⁾ напѣвъ тоскливый.
Напрасно въ пляскѣ сладострастной,
Подъ мѣрный хлопъ десятковъ рукъ,
Вздыхалъ и вздрагивалъ всечасно,
Мютрюфъ ²²⁾—пировъ обычный другъ...
Далекъ онъ мыслями... Ничто
Не развлекало ужъ его...
Онъ, словно, вдругъ окаменѣлъ,
Застывъ въ нѣмомъ оцѣпененьи...
Въ немъ жизнь, казалось, въ тѣ мгновенья
Остановилась... То тускнѣлъ,
То страшно взглядъ его горѣлъ...
Вѣнецъ тяжелаго мученья
Чело суровое облекъ...
И было-ль это сожалѣнье?
Въ душѣ-ли тайный былъ упрекъ?
Раскаянье-ль въ немъ говорило?
Досада-ль неудачи—было?
Никто, никто понять не могъ
Того, что въ немъ происходило...

IX

Вѣка промчались чередой,
Какъ вѣтеръ листья мчитъ въ пустынь,
Но башня та цѣла донинѣ,
Событья памятникъ нѣмой...
Въ красѣ угрюмой одиноко,

Она по прежнему стоитъ...
И живо въ памяти хранить
Преданье старины глубокой...
Въ ту ночь подземныхъ силъ порывъ
Весь берегъ властно передвинулъ...
Онъ землю глубже въ воды вдвинулъ,
Отъ моря башню отдаливъ...
Теперь волнамъ, какъ встарь бывало,
Ея подножья не лобзать...
Ихъ нѣжный шепотъ понимать
Она давно ужъ перестала...
Среди другихъ, ей чуждыхъ зданій,
Всегда людьми окружена,
Стоитъ безмолвная она,
Полна былыхъ воспоминаній...
Когда-жъ ночной сгустится мракъ—
На башнѣ той горитъ маякъ,
Зажженный сторожа рукою...
И съ бурей свѣдавшись морскою,
Съ какою радостной душою
Спѣшитъ на свѣтъ его морякъ...
И какъ тотъ свѣтъ, среди тьмы ночной,
Эмблемой чистаго сіянья
Свѣтило имя дѣвы той
Вѣкамъ позднѣйшимъ въ назиданье...
Я помню... разъ на башнѣ той
Сидѣлъ я въ думы погруженный,
И образъ дѣвы незабвенный
Явился ясно предо мной...
Мнѣ не забыть ея очей,
Блиставшихъ тихою слезою,
И грустный звукъ ея рѣчей
Я слушалъ съ тайною тоскою...

Джаннатъ, Джаннатъ! Съ какою нѣжной
Съ какою чистою душой,
Побѣждена грозой мятежной,
Ты улетѣла въ міръ иной...
И свѣтлой смертью искупила
Злой грѣхъ преступнаго отца.
Но память грустнаго конца
Въ вѣкахъ надолго сохранила
Твой образъ дивный, безупречный,
Блистая рѣдкой красотой,
Въ сердцахъ потомства будетъ вѣчно
Свѣтиться яркою звѣздой...
И башнѣ той, въ воспоминанье,
Какъ дѣвѣ честь она спасла,
Съ тѣхъ поръ дано было названье
„Дѣвичьей башни“—Кызъ-Кала“²³⁾.
Понинѣ дѣвы той страны.
Очами томно поникають,
Печали искренней полны,
Когда, порой, слѣпцы бряцають
На звонкихъ „сазахъ“²⁴⁾ и вѣщаютъ
О грустной сказкѣ старины.

Тифлисъ.

П. С. Паткановъ. (Истоминъ).

ПРИМЪЧАНІЯ.

- 1) Иранъ—Персія.
- 2) Тегеранъ—столица Персіи.
- 3) Устабашъ—надсмотрщикъ надъ рабочими, собственно—главный мастеръ.
- 4) Падышахъ—титуль персидскаго шаха.
- 5) Ширванъ—Шемаха, славящаяся до сихъ поръ изготовленіемъ шелковыхъ матерій.
- 6) Кальянъ—аппаратъ для куренія табаку на Востокѣ, представляющій родъ графина съ водой, къ которому придѣлана длинная трубка—кишка...
- 7) Гурія—одна изъ многочисленныхъ дѣвъ мусульманскаго рая, которыя будутъ служить тамъ правовѣрнымъ, по обѣщанію Магомета.
- 8) Кябинъ—приданное, которое берется съ жениха родителями невесты—по восточному обычаю.
- 9) Байрамъ—общее названіе праздника.
- 10) Мэхаррамъ—печальный праздникъ воспоминанья о днѣ убійства Имама-Хуссейна въ Аравіи.
- 11) Чадра—верхнее одѣяніе женщинъ Востока; родъ покрывала, въ которое онѣ совершенно закутываются, оставляя открытыми только глаза.
- 12) Мечеть—мусульманскій храмъ.
- 13) Имамъ—высшее духовное лицо прежнихъ вѣковъ въ Аравіи.
- 14) Шиты—мусульманская секта, признающая Алія, племянника Магомета, за святого,—противоположная суннитамъ. Шиты—персы, татары Закавказья. Сунниты—турки, казанскіе, крымскіе татары, черкесы.
- 15) „Шахсей! Вахсей!“—сокращенная форма возгласа „Шахъ-Хуссейнъ! Вай-Хуссейнъ!“—который толпа повторяетъ при каждомъ движеніи въ процессіи...
- 16) Минаретъ—высокая башня при мечети, родъ колокольни, съ которой сзываютъ на молитву мусульманъ.
- 17) Молла—мусульманскій священникъ.
- 18) Зурна—музыкальный инструментъ, дудка, родъ рожка.
- 19) Каваль—родъ бубна.
- 20) Ашыгъ—пѣвецъ.
- 21) Кяманча—родъ виолончели...
- 22) Мютрюфъ—юноша, долженствующій изображать дѣвушку. Ему съ дѣтства отпускаютъ длинные волосы и лишаютъ растительности на лицѣ. Обыкновенно его приглашаютъ на свадьбы и пиры, гдѣ онъ развлекаетъ всѣхъ своими танцами.
- 23) Кызъ-Кала, или Кызъ-Каласи—въ буквальномъ переводѣ: кызъ—дѣвица, Кала—крѣпость, башня...
- 24) Сазъ—восточный инструментъ, родъ мандолины.

Изъ послѣднихъ произведекій

В. ПАПАЗЪЯНА.

I.

Morituri vos salutant! *)

1-ое письмо.

Въ безопасности живущій другъ!..

... Не пройдетъ и трехъ дней, и у насъ, какъ во всѣхъ уголкахъ нашего чуднаго края, земля обагрится кровью. Трупами нашими будутъ устланы улицы, а прекрасное небо нашей дорогой родины почернѣетъ отъ стаи вороновъ, и воздухъ наполнится зловѣщимъ ихъ карканіемъ.

Всюду увидишь тогда ты груды развалинъ, а въ домахъ обезчещенныхъ дѣвушекъ, повергнутыхъ въ прахъ матерей, съ раздробленными головами невинныхъ младенцевъ, и всюду кругомъ тебя будутъ, могилы, могилы...

Я и со мною всѣ твои родственники и знакомые, погибнемъ. Шлемъ тебѣ нашъ привѣтъ, живущій на чужбинѣ братъ! Быть можетъ ты еще долго проживешь, и когда вернешься на родину, посѣтишь наши могилы и на нашихъ могилахъ будешь пѣть скорбную пѣснь о несчастіи родины...

Да! нѣтъ надежды на спасеніе, нѣтъ! Все и вся говоритъ о томъ, что всѣхъ насъ перебьютъ...

Съ какимъ хладнокровіемъ пишу я эти строки!.. быть можетъ, и ты такъ же прочтешь еще разъ знакомое описаніе того же, все о той же рѣзни...

... Четыре дня, какъ началось. ...Когда будетъ рѣзня—не знаю: быть можетъ сегодня, быть можетъ черезъ часъ, сію минуту! Уже нѣсколько дней, какъ слухи о сосѣднихъ погромахъ

*) Умирающіе привѣтствуютъ васъ.

держатъ нервы въ напряженномъ состояніи, и достаточно искры, чтобы вспыхнулъ пожаръ.

Не можешь представить, какую панику вызвалъ на базарѣ слухъ, будто одинъ татаринъ пятью ударами кинжала свалилъ торговца Вагана. Ураганомъ пронесся этотъ слухъ по базару. Шумъ, смятеніе, бѣгство!.. Съ шумомъ закрывались лавки. Многіе, потерявъ голову, бросали все, лавку, шапку, сапоги и бѣжали домой.

... Не прошло и минуты—какъ базаръ совершенно опустѣлъ, а по улицамъ бѣжалъ народъ.

Слухи, одинъ ужаснѣй другого, доходили до насъ. Будто убили не только Вагана, но еще много другихъ армянъ, будто группы татаръ стоятъ на перекресткахъ и рѣжутъ и убиваютъ всѣхъ.

Собравшись мы въ церковь, увидѣли оградъ—это были оградки надежное мѣсто. Народъ наполнилъ алтарь, келью и школьная комнаты.

Женщины, дѣти и старики—крики и плачъ. Кричатъ жену, кто дѣтей. Очевидно невѣста, забывъ стыдливость, бѣгаетъ по двору и по комнатамъ, не помня себя и ищетъ своего дорогого.

— Ваганъ! Ваганъ! раздирающимъ душу голосомъ, кричитъ она.

Сердце мое сжимается: # что ты дѣлаешь это Ваганъ?

Одна изъ женщинъ, забившихся въ уголокъ, отзывается:

— Чего ты плачешь дѣвушка? Вагана вѣдь убили!

Быть можетъ, это было только совпаденіе именъ, но изъ груди дѣвушки вырвался ужасный вопль и она упала на землю.

Никто не обратилъ вниманія, не все-ли равно?

Лучше умереть раньше, чѣмъ пасть отъ руки татарина.

Тамъ, забившись въ уголокъ, прижались другъ къ другу мать съ дѣтьми. Плачъ! Старухи, ударяя себя въ грудь, молятся.

Говорятъ, что рѣзня началась. Временами доносятся глухіе частые выстрѣлы.

Въ церковь вошелъ молодой человѣкъ. Всѣ окружили его. Онъ рассказалъ, какъ солдаты патруля убили Вагана. Татарина убійцу тотчасъ же повели во дворецъ и тамъ рассказали, что этого мусульманина едва удалось вырвать изъ рукъ гяуровъ.

Потомъ напали на базаръ.

Мы, 300—400 человѣкъ, всю ночь провели въ церкви безъ пищи и одежды, едва живы отъ страха, почти безоружные и лишь на утро узнали, что базаръ разгромленъ.

Никто не издалъ ни звука. Наступило гробовое молчаніе

Многіе начали плакать и стонать. Какъ разсѣянное бурей стадо, сбились въ кучки, прижавшись другъ къ другу, одни распростерты на землѣ, другіе безцѣльно блуждая съ остановившимся взглядомъ—женщины, дѣти, старики.

2-е письмо.

Было за полдень. Многимъ удалось пройти къ себѣ домой и взять хлѣба и теплой одежды.

Въ городѣ тяжелое, томительное молчаніе. На улицахъ никого не видно. Многіе спрятались въ подвалахъ погребахъ.

Нѣкоторые выражаютъ надежду, что опасность миновала, буря прошла. Но глубокое молчаніе усиливаетъ тревогу.

Молчаніе было зловѣщимъ. Это былъ моментъ, за которымъ слѣдуетъ разрушительный потокъ, ураганъ; моментъ, за которымъ изъ тучъ раздается оглушительный громъ и молнія разрываетъ огненными линиями небо. Такъ бываетъ въ минуту, слѣдомъ за которой огонь вспыхиваетъ и угрожаетъ, умирающей съ послѣднимъ крикомъ засыпаетъ навѣки.

И дѣйствительно, волною донесся до насъ глухой шумъ. То былъ ревъ тысячной толпы—онъ несся по улицамъ, потрясая все.. дрожала земля отъ него. Онъ былъ, какъ волчій вой, и все приближался, усиливался. До слуха донесся бой барабанный, а за нимъ удары топора, отчаянные вопли избиваемыхъ и побѣдные осипшіе крики громить.

Идутъ!... Всѣ замерли. Умогли стонъ и вопли...

А затѣмъ? Всѣ вскочили съ напряженными нервами, остановившимся взглядомъ. Затѣмъ ужасъ, смятеніе!

— Ребята, идутъ!.. Зазвучалъ голосъ молодого человѣка,— не дадимъ зарѣзать себя, какъ барановъ!...

— Умремъ съ честью—воскликнулъ другой.

-- Оружіе!

— Сдѣлаемъ вылазку!

Дальше ничего нельзя было разобрать.

Вышелъ первый говорившій. Слѣдомъ за нимъ всѣ собрались на дворѣ вокругъ него, осмотрѣли свое оружіе, разбились на группы и вышли изъ ограды.

Къ намъ прибывали новые и къ счастью вооруженные.

Вотъ показалась толпа хищниковъ.

Въ толпѣ видны солдаты. Курды и татары вооружены всевозможнымъ оружіемъ, кричатъ. Женщины съ барабанами пля-

шутъ и яростными криками возбуждаютъ мужчинъ.

Страшно было смотрѣть: никогда я не могъ себѣ представить такой разъяренной звѣрской толпы. Они съ ревомъ по-двигались, убивая всѣхъ встрѣчныхъ; разбивали топорами двери, врывались, грабили, громили, оставляя за собой груды развалинъ.

Шли, какъ туча саранчи, все передъ собой уничтожая.

Но пули наши остановили ихъ.

Мы дали по нимъ залпъ; солдаты попытались было собраться и отвѣтить на наши выстрѣлы, но сейчасъ же смѣшались. Побѣдный ревъ стихъ, послышались крики. Барабаны смолкли; женщины разбѣжались; толпа съ дикимъ воемъ въ смятеніи рассыпалась въ разныя стороны...

Да, мой другъ, мы разсѣяли десятитысячную толпу, которая хотѣла нашей крови, нашего добра и чести. Разсѣяли мы ихъ нашимъ незначительнымъ оружіемъ. Ахъ если-бъ у насъ было больше оружія!...

Храбрые товарищи! Нужно было видѣть, какъ мужественно стрѣляли они изъ домовъ въ хищниковъ, разсѣивая ихъ. И я стрѣлялъ, стрѣлялъ безъ промаха.

Но что мы сможемъ сдѣлать съ нашимъ слабымъ оружіемъ и ничтожнымъ запасомъ пуль и пороха?... Вѣдь сопротивленіе наше еще больше разъяритъ ихъ.

Не пройдетъ дня, быть можетъ часа, какъ они вернутся съ новымъ оружіемъ, придутъ войска съ пушками, и перебьютъ насъ всѣхъ...

Не знаю, сколько часовъ еще остается мнѣ прожить!...

3-е письмо.

Я еще живъ.

Приходилось-ли когда-нибудь тебѣ, другъ мой, переживать минуты, когда передъ твоими глазами пылаютъ развалины, обгорѣвшая кровью, когда ты окруженъ трупами родныхъ и друзей, а вокругъ женщины наполняютъ воздухъ воплями ужаса. Видѣлъ ли ты когда-нибудь мужчинъ плачущихъ и обезумѣвшихъ.

Приходилось-ли тебѣ переживать подобныя минуты, когда вокругъ тебя стоитъ кучка блѣдныхъ молодыхъ людей, полныхъ рѣшимости пожертвовать жизнью. Со всѣхъ сторонъ свистятъ непріятельскія пули; кругомъ оглушительный шумъ и ревъ.

Въ первый моментъ я растерялся и стрѣлялъ, не цѣлясь, ничего не видя, не слыша и ничего не понимая; я видѣлъ, какъ

одинъ за другимъ падали мои друзья и братья, какъ они метались раненые; падали и во вражескихъ рядахъ.

Но вскорѣ я пришелъ въ себя.

— Ребята, не робѣй! услышалъ я громовый голосъ нашего предводителя,—стрѣляйте, не сдавайтесь живыми!

Раздаются выстрѣлы, огонь усиливается. Дымъ на мигъ скрываетъ все, но вѣтеръ разноситъ его, снова я вижу надвигающіеся ряды солдатъ...

Да, солдаты рядами стоятъ предъ нами, заряжаютъ ружья, прикладываются. Раздается залпъ, наши двери и окна съ грохотомъ разбиваются и на мѣсто ихъ смотрятъ черныя дыры... раздаются крики, стоны.

Сколько времени это продолжалось—не знаю.

Вотъ солдаты останавливаются.

Но позади ихъ раздается ревъ... Это надвигается разъяренная толпа татаръ, выбѣжавшихъ изъ разрушенныхъ домовъ; они тащатъ съ собой сѣстные припасы, одежду, ковры, одѣяла... дѣвушекъ, стариковъ, женщинъ...

Какъ бы въ туманѣ я вижу, какъ курды тащатъ дѣвушекъ и женщинъ въ обморокъ съ распущенными волосами, сѣдыхъ стариковъ, которыхъ курды волокутъ по землѣ, и младенцевъ, протягивающихъ свои ручки съ крикомъ:

— Мама! мама!

У меня потемнѣло въ глазахъ. Стрѣльба прекратилась. А врагъ навигается, таща передъ собой полумертвыхъ женщинъ, родныхъ нашихъ и дѣтей, подставляя ихъ подъ наши выстрѣлы.

О, подлые! Они заставляютъ насъ стрѣлять въ нашихъ собственныхъ несчастныхъ дѣтей, сестеръ и матерей! И ружья выпадаютъ у насъ, руки опускаются.

Но вотъ передъ нами показалась могучая фигура нашего вождя. Блѣдный, онъ кричитъ громовымъ голосомъ.

— Ребята, чего вы стали? Вѣдь если онъ живъ останутся, все равно эти звѣри чортъ знаетъ, что съ нами еще сдѣлаютъ. Впередъ?.. Стрѣляй! Пусть лучше они съ честью погибнутъ.

И поднявъ ружье, онъ первый выстрѣлилъ... Старуха, въ которую попала его пуля, всплеснула руками, взглянула на убійцу и упала... Это была мать его.

Звѣри замерли на мѣстѣ, они инстинктивно почувствовали, что сынъ убилъ мать. Такое страшное убійство заставило даже ихъ содрогнуться, и въ испугѣ стали они отступать...

Но не долго продолжалось это.

Много-ли найдется такихъ среди нихъ? думали они.

Но они ошибались. Всѣ мы подняли ружья. Старая мать, лежащая въ пыли, была нашимъ знаменемъ.

— Стрѣляй!.. гремѣлъ голосъ вождя—это я мать свою убилъ... стрѣляй, пусть всѣ онѣ умрутъ.

Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть.

И въ этотъ самый моментъ я увидѣлъ одну женщину въ рукахъ курда.

Жена моя была это!

Я нацѣлился, закрылъ глаза и... выстрѣлилъ.

Открывъ глаза, я увидѣлъ: жена моя, любимая жена моя, лежала, а возлѣ нея—валялся курдъ. Я бросился къ женѣ, схватилъ ее трупъ и, поднявъ его, вернулся.

Никто не тронулъ меня.

Она была мертва: пуля пробила ей голову, и глаза ее, полные ужаса, смотрѣли на меня...

Я осторожно положилъ ее возлѣ моей старухи-матери.

— Невѣстка это твоя, мать, я убилъ ее... И снова присоединился я къ товарищамъ.

Перестрѣлка продолжается. Скоро перейдемъ въ рукопашную... Останется-ли кто-нибудь изъ насъ живымъ?

Прощайте, въ безопасности живущіе друзья!...

Умирающіе шлютъ вамъ привѣтъ!...

II.

РУЧЕЕКЪ.

(Легенда).

Далеко на востокѣ, говорятъ въ Индіи (преданіе объ этомъ не даетъ точныхъ указаній) жилъ былъ могущественный, богатый повелитель.

Жилъ онъ, какъ и всѣ восточные деспоты, богато и пышно.

Правда, несчастія и бѣдствія изнуряли его подданныхъ, но ему было не до нихъ. Лишь бы для него воздвигались дворцы, жены были въ изобиліи, князьямъ и царедворцамъ его чувствовалось бы привольно, и онъ велъ бы жизнь расточительно—сладкую.

Дворцы его были одинъ обширнѣе другого; роскошные сады соперничали между собой въ красотѣ.

На деслотъ воздвигалъ все новыя дворцы и разбивалъ новые сады, нежалѣя ни трудовъ, ни силъ своихъ подданныхъ.

Работамъ не было конца. Что могло впрочемъ служить къ тому преградой? Недостатокъ земли? Но вѣдь полъ страны принадлежало ему и было отведено, отмежевано на вѣки подъ дворцы, охоту, на нужды женъ и свиты! Рабочія руки? Но развѣ онъ не пользовался потомъ и трудами своихъ подданныхъ! Не могъ онъ развѣ при желаніи воздвигнуть стѣны изъ ихъ же труповъ и на ихъ же крови! Разумѣется могъ. Чего только не способенъ сотворить самодержавный деспотъ!

И вотъ задумалъ онъ, однажды, разбить роскошный громадный садъ. Много дней надо было бы потратить, чтобъ исходить его изъ конца въ конецъ. А дабы въ любую минуту насытить прихоть свою, онъ приказалъ въ изобиліи развести плоды овощи, деревья, и впустить въ садъ разныхъ птицъ и звѣрей.

Задумавъ эту мысль, онъ привелъ ее въ исполненіе. Подъ ударами плетей согнанъ былъ народъ на работу. И вотъ трудами и кровью подданныхъ сталъ сооружаться садъ.

Строили его—а голодъ и болѣзни опустошали страну. Однако, повелитель былъ въ восторгѣ. Вѣдь садъ поражалъ своей роскошью и безпредѣльностью. Были кромѣ того приняты мѣры чтобы до правителя не дошли слухи о голодѣ и страданіяхъ народа...

Но вотъ, однажды, про далекихъ чуждыхъ горъ сталъ струиться ручеекъ.

Неизвѣстно какъ и откуда проникъ онъ во владѣнія могучаго повелителя и зажурчалъ въ его громадномъ саду.

Дали знать царю о появленіи нежданнаго гостя.

Ну чтоже, добро пожаловать молвилъ царь: пусть себѣ орошаетъ мой садъ.

И вотъ провели для ручейка дорожку, чтобы онъ могъ струиться и журчать по саду, орошая деревья, шушукаясь съ травкой, лаская цвѣточки...

Но, что потомъ произошло?

Новый гость, ручеекъ, сталъ расти и увеличиваться, мѣняя свое направленіе, и однажды ошеломленные царь и его придворные увидѣли, какъ ничтожный, пожаловавшій изъ далекихъ странъ пришелецъ, наводнилъ собой весь садъ, сравнялся съ

фонтаномъ и водопадомъ и, вырвавшись изъ дворцоваго сада, бросился орошать поля и луга крестьянъ.

Ахъ, воскликнулъ царь: мы гостью дали поблажку, онъ растеть неудержимо, минуя границы...

И впрямь, новый гость растеть съ каждымъ днемъ и мчит-ся сильнѣй.

Стремительно несется онъ по саду, все повергая наводняя собой.

Зданья, деревья тонуть въ озерахъ...

Смерть, разрушенье кругомъ...

Но мирно и тихо потомъ онъ струится, орошая поля и сады подвластныхъ царю.

И въ то время какъ садъ и чертоги царя разрушались и затоплялись водой благоденствіе подданныхъ отъ той же самой воды расло и приумножалось.

Царь началъ сердиться.

Но чѣмъ болѣе гнѣвался онъ, тѣмъ болѣе росъ ручей, принимая видъ огромной рѣки.

— Изгнать безстыднаго гостя, изъять его изъ предѣловъ моего государства...

Приказъ дать было легко, но какъ же пресѣчь теченье рѣки, несущейся быстро, безпрестанно, растущей и всѣмъ завладѣвшей.

Царь повелѣлъ приложить всѣ усилія, чтобы изгнали изъ предѣловъ его государства въ рѣку превратившейся ручей и тѣмъ освободили отъ наводненія его дворецъ и имѣнія.

Собрались князья, царедворцы, войска полководцы, и стали пытаться измѣнить теченье рѣки.

То сооружали гигантскія плотины, то у верховьевъ отводили воду, желая уменьшить силу теченья.

Однако, ручеекъ продолжалъ течь по своему и когда сооружили плотины, надулась рѣка, перешла чрезъ всякія преграды, разрушила ихъ, понеслася съ большою силою и затопила все: дворцы, платины, зданья и всѣ укрѣпленья...

Тогда царь послалъ гонцовъ въ сосѣдную страну.

— Изъ земли твоей, приказалъ повелитель повѣдать царю той страны, безстыдный гость пожаловалъ ко мнѣ. Малъ сначала былъ онъ, потомъ сталъ расти и теперь кругомъ онъ все затопилъ... рушить дворцы... и готовъ уже задушить меня... Или путь ты ему прегради, или въ воды его отведи...

Услышавъ объ этомъ, усмѣхнулся царь—сосѣдъ и, землю свою гонцамъ показавъ, такъ молвилъ въ отвѣтъ:

Узрите вы сами: чертоги мои наводнилъ и разрушилъ все тотъ же ручей. Пытался и я теченье его измѣнить, строилъ плотины, но онъ преграды свалилъ, водами своими все окружилъ. Страна цѣликомъ во власти его и дворецъ даже мой окруженъ. Не въ моей странѣ онъ начало беретъ, а тамъ, за границей владѣній моихъ, въ горахъ чуждой земли.

Могучій правитель тогда гонцовъ посылаетъ въ ту, отдаленную страну, но опять не смогли найти истоки ручья.

Съ невѣдомыхъ горъ струился ручей, и больше все больше онъ росъ по дорогѣ своей.

Наводнялъ онъ дворцы, чертоги сносилъ,—но поля отъ него покрывались травой и пестрѣли въ цвѣтахъ...

Легенда молчитъ, каковъ былъ конецъ...

Но преданье одно говоритъ, что могучій царь продолжалъ воздвигать большія плотины, громадныя дамбы.

Однако, преграды сваливъ, ручей все мчался впередъ...

И чѣмъ больше преградъ воздвигали, тѣмъ сильнѣе ручей бросался на нихъ, сметалъ ихъ съ пути, повергалъ во прахъ чертоги царя, всѣ оковы цѣпи рвалъ и ломалъ...

И нынче на мѣстѣ дворцовъ и палатъ болота, озера стоятъ...

Винovníкъ того—тотъ самый ничтожный ручей, что мчится изъ невѣдомыхъ странъ, растеть и путь пробиваетъ себѣ.

Ростеть, и въ рѣки превращается онъ, и царство свое утверждаетъ вездѣ.

Плотины и дамбы не только не унимаютъ его, но сердятъ и болѣе силъ придаютъ...

И шествуетъ не по однимъ онъ садамъ, но затопляетъ собою все, что съ царскимъ связано именемъ.

Перев. А. К.

Изъ недавняго прошлаго.

Теперь, когда сдѣлалось возможнымъ говорить о многомъ, о чемъ доселѣ печать вынуждена была молчать, мы займемъ вниманіе читателя нѣсколькими страничками изъ нашей недавней жизни, полными жгучаго интереса, но остававшимися до сихъ поръ публикѣ почти неизвѣстными.

Мы говоримъ о трагической судьбѣ армянъ-переселенцевъ изъ Турціи, искавшихъ въ Россіи спасенія отъ турецкихъ звѣрствъ. Судьба ихъ интересна и потому, что она ярко рисуетъ наши бюрократическіе порядки вообще и на окраинѣ въ частности. Въ данномъ дѣлѣ, по отношенію къ этимъ несчастнымъ бѣженцамъ, администраціей былъ проявленъ осбенный цинизмъ. Сколько бесполезной жестокости и ненужнаго зла было причинено этимъ безвиннымъ, изстрадавшимся людямъ представителями закавказской администраціи, доходившими до крайней степени безудержнаго произвола въ своемъ упоеніи властью и возможностью творить безконтрольно зло и беззаконія.

Въ ноябрѣ 1901 г. изданъ былъ циркуляръ главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ, коимъ армянскимъ бѣженцамъ, изъ Турціи предоставлялось вернуться на родину, причемъ имъ обѣщано было соотвѣтствующее содѣйствіе къ тому. Остальнымъ предоставлено было принисываться къ сельскимъ и мѣщанскимъ обществамъ Закавказья подѣ условіемъ принятія русскаго подданства. Всѣхъ же бѣженцевъ, кои появились послѣ февраля 1901 г., предписывалось циркулярно немедленно высылать за предѣлы Россіи.

Во исполненіе этого циркуляра тифлисскій полицеймейстеръ 5-го августа 1902 г. объявилъ, что тѣ изъ бѣженцевъ, которые въ теченіе 10-ти дней не вернутся въ Турцію, будутъ считаться русскими подданными. Тутъ произошло нѣчто поразительное: эти тысячи гонимыхъ бѣженцевъ обнаружили удивительную нравственную мощь: они, какъ одинъ человекъ, стали

покидать Тифлисъ, стремясь на поѣздъ, отходящій въ Карсъ, чтобъ вернуться въ Турцію. Это былъ страшный нравственный ударъ для кавказской администраціи—полиція была ошеломлена неожиданнымъ эффектомъ приказа полицеймейстера. А армянскіе бѣженцы съ радостными лицами и облегченнымъ сердцемъ наполняли карсскій поѣздъ, стремясь къ турецкой границѣ: очень, видно, солоно пришлось имъ подѣ покровительствомъ закавказской администраціи, если они предпочли ему всѣ ужасы турецкаго режима.

По пріѣздѣ въ Карсъ переселенцы были немедленно заключены подѣ стражу, руководителей ихъ приводили къ начальству и, подвергая всяческимъ насиліямъ, принуждали принять русское подданство, но безуспѣшно. Тогда переселенцевъ отпустили, и они направились пѣшкомъ къ турецкой границѣ. Тѣмъ временемъ турецкій консулъ заявилъ, что турки отказываются принять обратно бѣженцевъ, и когда переселенцы подошли къ турецкой границѣ, турецкія войска не допустили ихъ перейти ее. Несчастныхъ, значитъ, заставили пройти даромъ длинный путь для того, чтобъ въ концѣ его они узнали то, что имъ могли сказать въ Тифлисъ. Но развѣ кому-нибудь было дѣло до этихъ пасынковъ судьбы, развѣ ихъ считали за людей, чтобъ беспокоиться о томъ, что они совершаютъ безцѣльное длинное путешествіе. Вызванный по телеграфу уѣздный начальникъ предложилъ переселенцамъ либо принять русское подданство, либо немедленно перейти границу, какъ знаютъ, отказавшись притомъ посредничать у главноначальствующаго. Переселенцы телеграфировали тогда главноначальствующему, напомнивъ о циркулярномъ обѣщаніи содѣйствовать возвращающимся изъ Россіи въ Турцію бѣженцамъ. Отвѣтъ былъ тотъ же. Кто-то надоумилъ переселенцевъ идти въ Персію, а оттуда пробраться въ Турцію. Это былъ громадный крюкъ, но что дѣлать. Изнемогая отъ холода и усталости, переселенцы двинулись къ Эчміадзину, лежавшему на ихъ пути. Передъ воротами эчміадзинской обители ихъ внезапно окружила полиція и эриванскій губернаторъ неизвѣстно почему предписалъ немедленно вернуть ихъ этапнымъ порядкомъ обратно въ Карсъ черезъ Игдырь, Кульпъ и Кагызманъ. Католикосъ всѣхъ армянъ ходатайствовалъ передъ губернаторомъ, чтобъ этимъ людямъ, утомленнымъ долгими безцѣльными блужданіями, позволено было поѣхать въ Карсъ по желѣзной дорогѣ, на свой счетъ, чѣмъ дѣлать громадный путь пѣшкомъ. Въ этой просьбѣ было отказано. Переселенцевъ повели пѣшкомъ. Въ Кагызманѣ ихъ оцѣпили и подѣ конвоемъ казаковъ

привели въ Карсъ, посадили въ тюрьму и снова заставляли принять русское подданство.

Послѣ всего этого часть ихъ, будучи выпущена, дѣлала попытку перейти границу, при чемъ многіе погибли, а прочіе разбрелись по Закавказью, испытывая лишения и подвергаясь всяческимъ гоненіямъ. При каждомъ удобномъ случаѣ ихъ подвергали обвиненіямъ въ участіи въ революціонныхъ обществахъ и пр., и наполняли ими тюрьмы, гдѣ они нерѣдко гибли отъ ужасныхъ лишеній и насилій. Для характеристики ихъ положенія укажемъ на слѣдующій фактъ: въ Тифлисѣ переселенцы эти сумѣли зарекомендовать себя съ самой лучшей стороны въ качествѣ дворниковъ, благодаря своей замѣчательной честности и добросовѣстности, вслѣдствіе чего во всѣ почти тифлисскіе дома домовладѣльцы безъ различія національности наняли дворниковъ изъ армянъ-переселенцевъ, послѣ чего кражи и грабежи въ городѣ сильно уменьшились. Но полиція въ интересахъ общественной безопасности и порядка предписала уволить немедленно всѣхъ дворниковъ изъ турецко-подданныхъ армянъ и впредь таковыхъ не нанимать, лишивъ тѣмъ куса хлѣба сотни честныхъ людей. Затѣмъ, такъ какъ многіе изъ турецкихъ армянъ въ Турцію не въ состояніи были вернуться, русскаго же подданства не приняли, то ихъ, какъ безпаспортныхъ, стали высылать за предѣлы Кавказа, въ Сибирь и на Уралъ. И до сихъ поръ многіе изъ кавказскихъ армянъ, извѣстные своей отзывчивостью, получаютъ изъ Мензелинска, Благовѣщенское, Никольска Уссурійскаго и пр. слезныя письма съ мольбой придти на помощь имъ въ ихъ безпомощной нуждѣ.

Интересно, что въ то время, какъ переселенцы испытывали всю эту ужасную нужду, съ распоряженія высшей на Кавказѣ власти въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ оставалась до самаго послѣдняго времени нетронутой сумма въ сорокъ тысячъ рублей, собранная въ пользу этихъ переселенцевъ съ общества? Найдите достойное названіе этому факту.

Г. Хатисовъ.

Изъ грузинской жизни.

Освободительное движеніе, проникшее во всѣ даже самыя захолустныя уголки Грузіи и подъ краснымъ знаменемъ революціи организующее народныя массы въ самоотверженныя полчища борцовъ за свободу и равенство, есть прежде всего движеніе трудового крестьянства и рабочихъ. Грузины рабочіе, сконцентрированные вокругъ фабрично-промышленныхъ предприятий, преимущественно въ городахъ и по линіямъ заваж. желѣз. дороги, дѣйствуютъ въ братскомъ единеніи съ рабочими другихъ національностей и описываютъ въ своемъ революціонномъ движеніи тотъ самый путь, что и рабочіе всѣхъ другихъ мѣстностей обширной Россійской имперіи.

Грузинское крестьянство, въ отличіе отъ грузинъ рабочихъ, живетъ въ соціальной средѣ, значительно отличающейся отъ условій жизни русскаго крестьянства, а въ зависимости отъ этого возникаетъ и особенный характеръ крестьянскихъ движеній въ Грузіи. Не вдаваясь въ подробное и всестороннее выясненіе особенностей грузинскаго крестьянскаго движенія, мы только отмѣтимъ, что у насъ революціонное движеніе крестьянъ протекаетъ значительно спокойнѣе, въ смыслѣ отсутствія помѣщичьихъ погромовъ, чѣмъ въ Россіи; укажемъ еще на то, что сознательное и осмысленное движеніе крестьянъ въ Грузіи началось значительно раньше, чѣмъ въ Россіи. Состоявшійся въ началѣ ноябрю московскій съѣздъ крестьянскихъ представителей, по сообщеніямъ корреспондентовъ грузинскихъ газетъ, единогласно постановилъ выразить солидарность гурійскимъ крестьянамъ, какъ пионерамъ революціоннаго движенія крестьянства всей Россіи. Дѣйствительно, гурійцы еще задолго до наступленія пресловутой политической весны, задолго до русско-японской войны, въ суровый періодъ полнаго расцвѣта силъ самодержавнаго режима самоотверженно боролись съ произволомъ

царскихъ чиновниковъ и безграничною помѣщичьихъ аппетитовъ. Безстрашная и могучая воля народа одержала свои первыя побѣды въ предѣлахъ Гуріи еще при министрѣ Плеве; уже тогда заставили гурійцы смириться передъ народною волею мѣстныхъ помѣщиковъ, вынужденныхъ подъ давленіемъ крестьянскаго бойкота сдать на капитуляцію.

По поводу гурійскаго движенія, какъ перваго проявленія сознательнаго революціоннаго духа крестьянства во всей Россіи, въ повременной печати писалось такъ много и такъ подробно, что мы считаемъ излишнимъ вновь сосредоточивать на немъ вниманіе нашего читателя. Какъ мы уже сказали, аналогичное съ гурійскимъ крестьянское движеніе происходитъ въ настоящее время во всѣхъ уголкахъ Грузіи, какъ въ кутаисской, такъ и въ тифлисской губерніи. Остановимся нѣсколько подробнѣе на крестьянскомъ движеніи въ Мингреліи (зугдидскій уѣздъ кутаисской губерніи).

Въ Мингреліи, такъ же, какъ и въ Грузіи, крестьянское движеніе началось на почвѣ аграрныхъ отношеній года три или четыре назадъ. Крестьяне собрались вмѣстѣ по селамъ, въ с. Абастуманѣ и другихъ мѣстахъ, и на зтихъ собраніяхъ происходило горячее обсужденіе разныхъ крестьянскихъ нуждъ, преимущественно земельныхъ. Администрація съ самаго начала проявила достойную истинныхъ агентовъ царизма энергію, арестовала всѣхъ подозрительныхъ лицъ и выселила изъ Мингреліи въ другія мѣста болѣе сознательныхъ крестьянъ. Дѣятельность администраціи увѣнчалась на этотъ разъ полнымъ успѣхомъ—мингрельцы какъ будто присмирѣли и успокоились. Однако это было лишь вынужденное внѣшнее спокойствіе, продиктованное бѣлымъ терроромъ, въ дѣйствительности же начатыя въ сознаніи мингрельскаго крестьянина критика и оцѣнка своего положенія продолжались, и такимъ образомъ въ тихомолку подготавливались почва для открытаго революціоннаго выступленія въ текущемъ году.

Малоземелье, чрезмѣрно обременительные сборы разныхъ наименованій въ пользу казны, помѣщиковъ и духовенства, административное подавленіе нагайкой и систематическими высылками всякаго появленія крестьянской самодѣятельности съ общественно-экономическимъ и политическимъ содержаніемъ, солидарность класса помѣщиковъ съ дѣятельностью мѣстной полиціи,—все это давало обильную пищу для ума мингрельскихъ крестьянъ и толкало ихъ къ тому пути, на которомъ уже утвердились живущіе по сосѣдству гурійцы. Какъ вездѣ, и въ Мин-

греліи крестьянская нищета вызвала къ жизни воровъ, которые какъ бы довершали процессъ окончательнаго разстройства трудового крестьянскаго хозяйства въ его старыхъ полукрѣпостническихъ формахъ. Безсиліе администраціи, впервые и при томъ самымъ нагляднымъ образомъ, сказалось въ ея неспособности справиться съ воровствомъ, которое оно тщетно пыталось искоренить своими средствами. Вмѣсто воровъ полицейскіе чиновники наказывали самыхъ смиренныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ крестьянъ, переполняя такимъ образомъ чашу терпѣнія.

Къ этому времени уже по всей Россіи чувствовалось приближеніе періода освободительнаго движенія. Мингрельцы почувствовали себя въ послѣдней степени критическаго положенія: или нужно было оставаться въ полномъ подчиненіи у администраціи и молча смотрѣть на все болѣе и болѣе растущее народное бѣдствіе, или нужно было открыто выступить противъ администраціи и по примѣру гурійцевъ перенести на мингрельскую почву гурійскіе порядки, получившіе уже повсемѣстную извѣстность въ Грузіи и обозначаемые однимъ словомъ „эртоба“. Въ переводѣ на русскій языкъ „эртоба“ значитъ единеніе и одинаково выражаетъ какъ тактику массоваго крестьянскаго сопротивленія властямъ и классу помѣщиковъ, такъ и принципъ равенства, реальное осуществленіе котораго представляется высшимъ идеаломъ организациі общественной жизни. Въ жизни мингрельцевъ наступилъ полный переломъ и на многолюдныхъ крестьянскихъ сходахъ громко было провозглашено, что отнынѣ мингрельскіе крестьяне пойдутъ по тому же пути, что и гурійцы. Крестьяне клятвенно обязались другъ передъ другомъ бойкотировать помѣщиковъ, не работать на помѣщичьихъ земляхъ, не платить повинностей и упразднить сельскія канцеляріи.

Это энергичное рѣшеніе крестьянъ, немедленно приступившихъ къ его осуществленію, вызвало среди административныхъ чиновниковъ крупное замѣшательство, которое въ концѣ концовъ разрѣшилось въ томъ смыслѣ, что полиція попыталась подавить надвигающееся возстаніе вооруженною силою. Въ качествѣ наиболѣе энергичныхъ поборниковъ вооруженной борьбы властей съ безоружными крестьянами, мингрельцы называютъ зугдидскаго уѣзднаго начальника Кегамова и его сподвижниковъ Шенгелія и Кварацхелія. Къ исполненію плана г-а Кегамова приступлено было немедленно. Въ селеніе Кахати, расположенное около Зугдидъ, въ то самое время, когда крестьяне собрались на сходъ для разрѣшенія разныхъ стоящихъ на очереди вопросовъ, появился изъ Зугдидъ г-нъ Шенгелія въ со-

провожении стражниковъ и арестовалъ нѣсколько человѣкъ изъ крестьянъ. Народъ потребовалъ освобождения арестованныхъ, но на это требованіе Шенгелія не обратилъ никакого вниманія; между тѣмъ изъ близъ лежащихъ селеній вышли крестьяне, узнавшіе объ арестѣтоварищѣ, и образовавшаяся такимъ образомъ толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ энергично настаивала на своемъ требованіи. Шенгелія (приставъ) приказалъ стражникамъ разсѣять толпу ружейными выстрѣлами; раздались выстрѣлы и 14 человѣкъ пало мертвыми, толпа однако не дрогнула и ни на шагъ не отступила назадъ. Смѣлому приставу и вооруженнымъ стражникамъ пришлось уступить безоружной толпѣ.

Послѣ пораженія въ сел. Кахати г. Кегамовъ задумалъ возстановить честь и славу администраціи въ Зугдидахъ, куда и направилъ онъ казаковъ. Съ перваго же дня появленія въ Зугдидахъ казаки, выполняя планъ администраціи, напившись до безпамятства и озвѣренія, приступили къ дикой расправѣ съ населеніемъ: грабежи, побори и убійства ужасомъ наполнили мирный уѣздный городокъ. Изъ Зугдидъ казаки были отправлены въ селеніе Мухури, гдѣ передъ этимъ былъ убитъ мѣстный помѣщикъ Платонъ Дадіани. Казаки и здѣсь показали во всемъ блескъ и величіи свой дикій нравъ. Разгромъ селенія Мухури длился нѣсколько дней; казацкая орда не удовлетворилась грабежемъ, избіеніемъ, убійствами, ворвалась въ женскій монастырь „Оцидале“, куда укрылись было мухурскіе женщины, и въ довершеніе всѣхъ безобразій здѣсь казаки обезчестили женщинъ. По рассказамъ мингрельцевъ, уѣздный начальникъ Кегамовъ съ какимъ-то сладкимъ злорадствомъ говорилъ, что черезъ годъ по мингрельскимъ селамъ будутъ бѣгать маленькіе „казаки“.

Въ селеніи Чаквинджа, которое также подверглось разгрому казацкою ордою, уѣздный начальникъ Кегамовъ собралъ народъ въ одну кучу, окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ казаками, и подъ угрозой поголовнаго избіенія отобралъ присягу въ вѣрноподданническихъ чувствахъ царю. По всѣмъ разгромленнымъ селеніямъ были введены казацкія экзекуціи, на содержаніе которыхъ взыскивались деньги съ крестьянъ.

Подобныя же агрессивныя дѣйствія были предприняты администраціею и по другимъ селамъ Мингреліи. Руководителями крестьянства выступили люди мало подготовленные и мало опытные, ложно выдававшіе себя за представителей революціонныхъ организацій; ошибками и безтактностью этихъ мнимыхъ агентовъ революціонныхъ партій пользовалась администрація, которой въ перспективѣ улыбалась возможность устрашающими мѣ-

рами искоренить „крамолу“ и отличиться передъ высшими властями. Сравнительно съ Гурією, гдѣ во главѣ народнаго движенія съ самаго начала стояли члены политическихъ партійныхъ организацій, мингрельское движеніе отличается болшею стихійностью, а потому оно повлекло за собою и болше жертвъ. За агрессивными дѣйствіями администраціи послѣдовала нѣкоторая реакція въ крестьянскомъ настроеніи, но тутъ на Мингрелію обратили серьезное вниманіе строго политически организованныя партіи и опять подняли духъ крестьянства. Въ настоящее время въ Мингреліи идетъ спокойная и энергичная работа по ликвидаціи старыхъ порядковъ подъ руководствомъ дѣйствующихъ въ Грузіи политическихъ партій.

Еще болшею стихійностью, чѣмъ въ Мингреліи, характеризуется крестьянское движеніе въ горійскомъ и душетскомъ уѣздахъ. Это обстоятельство открыло въ этихъ мѣстахъ путь вмѣшательства администраціи и вооруженной силы въ сельскую жизнь раньше, чѣмъ крестьяне сумѣли установить для себя временный *modus vivendi* и обезопаситься отъ превращенія революціоннаго движенія въ анархію. Администрація и казаки усерднымъ преслѣдованіемъ главарей движенія и еознательныхъ крестьянъ разстроили зарождавшіяся мѣстныя организаціи въ полной увѣренности, что этимъ путемъ жизнь въ деревняхъ будетъ введена въ обычную колею. Неосновательность и полная беспочвенность этихъ бюрократическихъ чаяній, на которыя безрезультатно указывала въ свое время мѣстная печать, выяснились вполнѣ теперь, когда администрація объявила умиротвореніе горійскаго и душетскаго уѣздовъ законченнымъ и отозвала оттуда казаковъ. Вмѣсто разсѣянныхъ сознательныхъ руководителей народнымъ движеніемъ въ настоящее время то и дѣло появляются разбойничьи банды, прикрывающіяся именемъ революціонныхъ комитетовъ и подъ угрозой отъ имени этихъ послѣднихъ вымогающія не только у помѣщиковъ, но и у крестьянъ все, что только можно взять съ собою.

Революція не есть безпорядокъ ради безпорядка и совершенно не похожа на то „естественное состояніе“, когда по мнѣнію социологовъ стараго стиля велась всеобщая война всѣхъ противъ всѣхъ. Революція предполагаетъ съ одной стороны разрушеніе стараго, а съ другой созиданіе новаго уклада жизни. Администрація своимъ преслѣдованіемъ главарей движенія ослабляетъ творческую работу революціонной эпохи, а не ея разрушительную силу; вотъ почему своими попытками остановить народное движеніе она создаетъ анархію, а не порядокъ. Остановить

начавшееся массовое революционное движение значит водворить анархию — это аксіома, на каждом шагу подтверждающаяся реальными фактами, и кто съ нею не желаетъ считаться, тотъ ставить на карту не только существующую форму правленія государства, но вмѣстѣ съ нимъ и существованіе самаго государства.

Напрасно административныя власти прикрываются желаніемъ водворенія мира и порядка — порядокъ въ революціонную эпоху можетъ быть установленъ исключительно только революціоннымъ же народомъ и, гдѣ послѣднему власть не мѣшаетъ проявить творческую работу, тамъ, дѣйствительно, самъ народъ принимаетъ мѣры къ установленію настоящаго, а не только кажущагося порядка. Крестьяне Юрской долины на народномъ собраніи 17-го октября между прочимъ постановили: „въ виду того, что отъ беспорядочнаго пользованія лѣсомъ, обращеннымъ изъ казенной въ народную собственность, можетъ послѣдовать значительный ушарбъ для самаго лѣса, считаемъ необходимымъ слѣдить чтобы никто не вывозилъ лѣса болѣе, чѣмъ сколько ему необходимо на удовлетвореніе домашнихъ нуждъ, и не производилъ беспорядочной рубки“. Въ этомъ коротенькомъ постановленіи заключается цѣлый законъ о лѣсномъ хозяйствѣ, который сдѣлается не внѣшнимъ украшеніемъ какого-нибудь устава, а живымъ правомъ, свято и ненарушимо исполняемымъ всѣмъ народомъ. Этотъ наудачу взятый примѣръ изъ ряда аналогичныхъ постановленій крестьянскихъ сходоу лучше всякихъ аргументоу доказываетъ, что крестьянство обладаетъ широкою способностью создавать правопорядокъ и оно создастъ его въ концѣ концовъ, сколько бы ни препятствовали ему въ этомъ мнимые ревнители порядка и народныхъ интересовъ. Анархія, въ смыслѣ хаоса, и войны всѣхъ противъ всѣхъ, не входитъ въ задачу революціоннаго крестьянства; оно и не создаетъ ее, она появляется только лишь какъ естественный и необходимый результатъ вмѣшательства вооруженной силы въ народное движение, да и то лишь до тѣхъ поръ, пока народъ вооруженною же силою не дастъ отпора провокаторской дѣятельности самозванныхъ радѣтелей народнаго блага.

Грузинское крестьянство уже въ такой мѣрѣ расшатало старыя устои жизни, то повсемѣстно возникаетъ необходимость немедленно приступить къ творческой работѣ, уже начатой правдѣ еще въ слабой степени въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Классъ помѣщиковъ, который до сихъ поръ искалъ опоры въ казацкихъ нагайкахъ, за рѣдкими исключеніями, признаетъ себя окончательно

побѣжденнымъ и готовъ сдаться на полную капитуляцію революціонному крестьянству. Необходимо сдѣлать еще одинъ рѣшительный шагъ впередъ, создать временное центральное учрежденіе для общихъ распоряженій о порядкѣ пользованія землею и взять ее крестьянству въ свои руки. По нашему разумѣнію аграрная революція идетъ именно къ этому концу и чѣмъ раньше будутъ осуществлена эта мысль, тѣмъ меньше будетъ насчитываться жертвъ современнаго крестьянскаго движенія.

X.

Армянскій вопросъ. *)

Въ февралѣ 1896 года я пріѣхалъ въ Константинополь изъ Софіи—съ торжества присоединенія къ православію болгарскаго престолонаслѣдника. Константинополь былъ еще полонъ слѣдствъ недавней „революціи“, какъ почему-то называли въ городѣ только-что пережитую бойню армянъ подонками мусульманскаго Стамбула, организованную полиціей султана Абдуль-Гамида, подъ охраною регулярныхъ войскъ. Я остановился въ давно знакомомъ мнѣ маленькомъ „Hôtel de France“, гдѣ хозяинъ былъ венгерецъ и, слѣдовательно, туркофилъ уже въ силу національнаго происхожденія. Не знаю, гдѣ теперь находится герръ Франклъ, ибо въ 1901 г. я не нашелъ въ Константинополѣ ни его, ни его отеля. Но уповаю, что, нажившись до рантьерства, онъ обратился къ карьерѣ политической, потому что даже и между пріѣзжими дипломатами посольствъ я почти не встрѣчалъ болѣе основательнаго изученія, болѣе глубокаго пониманія и болѣе тонкой чуткости въ предвидѣніи восточныхъ дѣлъ, чѣмъ у этого интереснаго человѣка. Повторяю: онъ былъ туркофилъ, какъ большинство европейцевъ, льготно обитающихъ и промышляющихъ въ Перѣ подъ охраною посольствъ, дѣлающей совершенно незамѣтнымъ мѣстно тотъ деспотическій режимъ, которымъ стиснуты не только страна, гдѣ они живутъ, но даже и другіе кварталы самого Константинополя. Въ Перѣ предъ европейцемъ все гнется въ кольцо; въ Галатѣ у мусульманской полиціи только и заботы, чтобы охранить франкскую буржуазію и промышленную мастеровщину отъ международнаго, но христіанскаго хулиганства, что осѣло по береговымъ линіямъ Турціи со всѣхъ странъ свѣта и, слияніемъ своимъ образовавъ странную гасу левантинцевъ, хозяйничаетъ въ европейскихъ кварталахъ большихъ городовъ, какъ въ своихъ собственныхъ вертепахъ; въ

*) Изъ журнала „Вѣстникъ и Библіотека самообразования“ (№ 42, 1905 г.).

Стамбулѣ европейцу, если онъ не англичанинъ, уже благо-разумнѣе не удаляться за линіи Стараго Базара и Айя Софіи, съ площадью Гипподрома; а на азіатскомъ берегу, въ Скутари, и въ англичанъ часто летятъ камни. Такъ вотъ—даже туркофилъ, до глубины коммерческаго сердца своего благодарный оттоманскому правительству за капиталъ, нажитый подъ его эгидою, и всею душою презирающій всякихъ болгаръ, армянъ, македонцевъ и младотурокъ, которые дерзаютъ поднимать голосъ свободы и даже оружіе противъ благой власти его величества падишаха Абдуль-Гамида,—даже онъ, рассказывая мнѣ объ ужасахъ истребленія беззащитныхъ людей правильно вооруженнымъ и организованнымъ негодяйствомъ, не могъ удержаться отъ слезъ,—говорилъ блѣдный, трепетный, потрясая поднятыми къ небу руками.

— Это звѣри, синьоръ Алессандро,—восклиналъ онъ: мы съ нимъ всегда говорили по-итальянски,—это сущіе дикіе звѣри! Ихъ надо держать въ клѣткахъ, на цѣпи.. О! какъ раскается когда-нибудь—и, повѣрьте, скоро!—Россія, что позволила имъ ослабить свои цѣпи и выглянуть изъ клѣтокъ!

На русскихъ стационерахъ офицеры дипломатничали, играя въ молчанку, но прорывались хмурыми фразами недовольства и недоумѣнія, зачѣмъ международная эскадра опоздала къ страшнымъ днямъ, когда могла прійти во-время? Зачѣмъ „Донецъ“ простоялъ, молча, передъ Топъ-Хане, когда малѣйшей демонстраціей въ центрѣ ветхаго города,—въ который, безъ дозволенія турокъ, равно трудно войти и изъ Чернаго моря по Босфору, и изъ Средиземнаго моря черезъ Дарданеллы и Мраморное море, но который совершенно беззащитенъ, какъ скоро въ него вошли, и можетъ быть обращенъ въ прахъ нѣсколькими десятками залповъ, что туркамъ очень хорошо извѣстно,—когда малѣйшею демонстраціей могли быть предотвращены тысячи жертвъ? Было трудно сдержать на борту матросовъ, потому что они видѣли и слышали, что происходило на берегу, и рвались къ вмѣшательству. Моряки съ коммерческихъ судовъ, не связанные служебною дисциплиною, рассказывали событія, конечно, съ большею откровенностью. Самымъ страшнымъ эпизодомъ бойни было ночное опустошеніе рабочаго армянскаго квартала, гдѣ константинопольская полиція подозрѣвала лагерь, такъ сказать, будущей арміи армянскаго революціоннаго движенія. Здѣсь работали уже не „сволочные люди“, какъ выражался о хулиганствѣ нашъ юридическій языкъ въ XVII вѣкѣ, но войска мѣстнаго гарнизона. Сонныхъ, ничего злого не ожидав-

шихъ, людей рѣзали врасплохъ, какъ барановъ,— безъ выстрѣла; пущены были въ ходъ лишь прикладъ, штыкъ, тесакъ и дубина съ чугуномъ набалдашникомъ— орудія молчаливыя, но страшныя въ рѣшительныхъ и опытныхъ рукахъ. Сдаваться на волю побѣдителей, просить пощады помогало столько же мало, какъ и защищаться голыми руками! Трупы грузились въ старые каюки, хорошо заваливались камнями увязывались веревками и, затѣмъ, вывозились на Золотой Рогъ, гдѣ, подальше отъ береговъ, пробоина въ носу или подъ кормою опускала каюкъ на дно. Затѣмъ, когда убійство утомилось брызгать кровью и мозгами человѣческими, полиція стала топить и живыхъ людей. По крайней мѣрѣ, десять человѣкъ на разныхъ европейскихъ судахъ константинопольскаго порта рассказывали мнѣ, слово въ слово и съ одинаковымъ ужасомъ, какъ заря обнаружила имъ,—бессильно наблюдающимъ съ своихъ палубъ, лишеннымъ какой-либо возможности вступить,—эти трагическіе казны, съ которыхъ, какъ куклы, падали въ воду связанные по рукамъ и ногамъ люди, съ заткнутыми ртами, и рядъ полицейскихъ каюковъ слѣдилъ, чтобы никто не выплылъ, и, если жертва не сразу шла ключемъ ко дну, но барахталась на поверхности, ее добивали веслами... Нейтралитетъ державъ, въ томъ числѣ и нашего отечества, былъ соблюденъ съ такою строгостью, что нѣкоторые армяне, все-таки ускользнувшіе отъ потопленія, не были приняты на европейскія шлюпки и достигнутые преслѣдователями, погибли на глазахъ тѣхъ, у кого напрасно молили защиты. Только французы не выдержали характера— кое-кого спасли и приютили.

Всѣ эти ужасы принадлежатъ уже исторіи, и ни для кого не тайна, что въ этомъ злосчастнѣйшемъ событіи роль пассивной, но, тѣмъ не менѣе, рѣшающей причины сыграла роковая ошибка тогдашней нашей русской дипломатіи. Послѣдняя, во временномъ увлеченіи своимъ панславистическимъ идсаломъ восьмидесятыхъ годовъ, сперва, что называется, „запустила“ армянскій вопросъ, не обращая вниманія на требовательность, съ какою оживилъ его § 61 Берлинскаго трактата, а потомъ и вовсе повернулась къ армянамъ спиною—подозрительная и враждебная, потому что султанъ Абдуль-Гамидъ успѣлъ внушить петербургскимъ сферамъ, со свойственнымъ ему талантомъ современнаго Макиавелли, жесточайшія предубѣжденія противъ армянскаго національнаго подъема, представляя его отраслью международной соціальной революціи. Печальное и непоправимое заблужденіе Нелидова и Лобанова-Ростовскаго заставило рус-

ское правительство умыть руки въ судьбѣ армянъ. Была произнесена знаменитая фраза, что „Россия не хочетъ второй Болгаріи“,—carte blanche, чтобы всѣ незначительныя реформы, какими Берлинскій конгрессъ указывалъ армянскому народу тропинку къ автономіи, мгновенно очутились подъ сукномъ; и для Малой Азіи открылась эра террора, безпримѣрнаго въ европейской исторіи. Сассунскіе ужасы 1894 года далеко оставили за собою и Варфоломеевскую ночь, и Сицилійскую вечерню, и Кровавую Баню Христіана II, и даже Казанлыкскую рѣзню болгаръ въ Долинѣ Розъ, воспослѣдовавшую послѣ необдуманнаго набѣга и вынужденнаго отступленія генерала Гурко.

За ошибочную политику умовенія рукъ въ приговорѣ, зависѣвшемъ всецѣло отъ ея воли, Россія заплатила сперва потерю политическаго авторитета въ Малой Азіи и довѣрія христіанскихъ народностей, которыя ранѣе полагали въ ней единственную надежду своего освобожденія; затѣмъ—ужасными закавказскими беспорядками, которые, начавшись спорадическимъ разбойничествомъ разныхъ Кяримокъ, Наби и Мурзакуловыхъ, разгорѣлись въ послѣдствіи въ пожаръ, уничтожившій бакинскую нефть.

61 параграфъ Берлинскаго трактата, которымъ воля Европы предназначала Арменіи тѣ же реформы, что параграфомъ 23 она обѣщала Македоніи, нисколько не подвинулъ впередъ благосостояніе и правовое положеніе армянскаго народа. Что 61 параграфъ не выйдетъ изъ области теоретическихъ предначертаній и осужденъ со временемъ застыть въ мертвую букву, это не только предчувствовали, но и отлично знали всѣ, подписавшіе 13-го іюля 1878 года въ Берлинѣ историческій актъ—символь побѣды европейской дипломатіи надъ русскимъ оружіемъ. Надежда реформъ была брошена армянамъ, какъ нравственная подачка, какъ фальшивая милостыня нищему, мимо котораго неловко пройти человѣку благотворительному, вовсе ничего не давъ на его вопіющую бѣдность, но серьезно помочь и нечѣмъ, и не хочется. И вотъ суетъ благотворительный человѣкъ въ протянутую руку... не ходящую въ государствѣ, мелкую иностранную монетку: на, молъ! отвяжись! Что усердіе подать съ моей стороны было—Богъ видитъ; ну, а что милостыня моя тебѣ не въ пользу, это ужъ не моя вина, твое дѣло, приспособляйся!... Къ сожалѣнію, благодѣтельствуя армянамъ монетою внѣ обращенія, державы не сообразили степени и мѣры, до которыхъ домучена злополучная нація. Онѣ не приняли въ разсчетъ, что утопающій хватается за соломинку, и что армяне, въ

своемъ отчаяніи, все-таки начнутъ „приспособляться“, чтобы изъ лукаваго теоретическаго миража европейской помощи выжать для себя какое-либо реальное, практическое благо. Осѣнившія угнетенную страну надежды разбудили народное самосознаніе,—въ рабахъ проснулась гнѣвная совѣсть свободнаго челоуѣка. Европа поманила армянъ на волю, и ринулись къ волѣ. Сперва,—въ наивныхъ упованіяхъ на твердость политическаго честнаго слова, полученнаго ими отъ державъ—они протестовали громкими жалобами, ропотомъ и стономъ народного броженія; потомъ,—когда убѣдились, что плачутся предъ глухимъ и показываютъ свои раны слѣпому,—вооруженнымъ противодѣйствіемъ варварствамъ турецкаго произвола, партизанскою инсurreкціей, четами сассунской самозащиты Андроника, Вахана, Кеворка и др.

Никогда ни одно освободительное движеніе не было предано и оставлено въ жертву насилію съ большею жестокостью, чѣмъ армянское. Въмѣсто чаемой помощи Европы, повстанцы встрѣтили самое откровенное недоброжелательство всѣхъ великихъ державъ, за исключеніемъ слабосильной Италіи, слишкомъ недавно завоевавшей свою собственную свободу, чтобы измѣнить свободѣ другихъ. Всѣ остальные государства, матеріально заинтересованныя въ Малой Азіи, оказались въ армянскомъ вопросѣ безнадежно связанными либо соперничествомъ вліяній и борьбою за преобладаніе на Ближнемъ Востокѣ, какъ Англія и Россія; либо, какъ Германія, искусною политикою Абдуль-Гамида, которую Франсисъ Прессансе остроумно назвалъ „политикою даванія на чай“ (politique de rougboige); либо подчиненнымъ положеніемъ волѣ другой державы, какъ, со времени франко-русскаго союза, Франція; либо, наконецъ, совершенно точными и опредѣленными программами своей территоріальной политики, какъ Австро-Венгрія съ ея методическимъ движеніемъ къ Эгейскому морю и глубокимъ равнодушіемъ къ вопросамъ Востока, выходящимъ за предѣлы этой практической задачи. Армянское движеніе не только не встрѣтило сочувствія у правительствъ Европы, но столкнулось съ прямою антипатіей ихъ: оно всѣмъ мѣшало, какъ внезапная безтактность политической искренности и какъ угроза той великой условной лжи, что известна въ политикѣ подъ безрадостнымъ именемъ „вооруженнаго мира“. Оно не только осталось одинокимъ, ему суждено было сдѣлаться гонимымъ.

Правительства Англіи и Германіи весьма долгое время считали армянское движеніе результатомъ русскаго агитаціи, про-

кладывающей тайные пути къ будущимъ территоріальнымъ захватамъ въ Малой Азіи, простирающей правую руку къ Босфору, а лѣвую—на Персидскій заливъ, къ выходу въ Индійскій океанъ. Это убѣжденіе проникло и въ общественное мнѣніе—особенно второй изъ двухъ названныхъ странъ. Одна изъ важнѣйшихъ причинъ малой популярности армянскаго вопроса въ Германіи есть именно, питаемая отъ двора константинопольскаго а отчасти и имперскаго германскаго, клевета будто вся армянская неурядица,—не что иное, какъ ловкая интрига руской завоевательной политики, и армяне, съ ихъ неустаннымъ національнымъ движеніемъ, не болѣе, какъ русскіе агенты, осуществляющіе сознательно и безсознательно грандіозный планъ международной провокаціи къ европейской войнѣ. Несмотря на то, что Россія дала безсметно много наглядныхъ и, надо говорить откровенно, весьма прискорбныхъ доказательствъ своего глубочайшаго равнодушія (чтобы не сказать болѣе!) къ судьбамъ армянскаго народа, сплетня держится крѣпко,—даже до сихъ поръ. У армянъ въ Германіи есть очень преданные и убѣжденные друзья, какъ, на примѣръ, профессоръ фонъ-Баръ (депутатъ Гагской конференціи), директоръ берлинской обсерваторіи В. Форстеръ извѣстный социалистъ-ревізіонистъ Берштейнъ и др. Армянофиломъ былъ и покойный историкъ Теодоръ Моммсенъ. Но и предубѣжденіе вышеизложенной сплетни раздѣляется многими недюжинными умами даже въ передовыхъ общественныхъ группахъ. Главный контингентъ германскаго армянофильства поставляютъ протестантскія миссіи на Ближнемъ Востокѣ и соприкасающіяся съ ними филантропическія общества и учрежденія, съ извѣстнымъ др. Ленціусомъ и Рорбахомъ во главѣ. Но, строго ограниченныя кругомъ религіозной пропаганды и благотворительной дѣятельности, нѣмецкія миссіи, изъ всѣхъ наиболѣе покровительствуемая любезностью султана Абдуль-Гамида, тщательно оберегаютъ себя отъ соприкосновенія съ какою бы то ни было политикою. Страхъ компрометтировать свое „царство не отъ міра сего“ предъ царствомъ всецѣло и даже черезчуръ отъ сего міра лишаетъ ихъ симпатіи практической силы и прикладнаго значенія въ широкомъ, національномъ масштабѣ. Это помощь—весьма многимъ, можетъ-быть,—нуждающимся въ ней, армянамъ, но не армянскому народу. То же самое приходится сказать о миссіяхъ Даніи, Голландіи, Бельгіи, Соединенныхъ Штатовъ, да, пожалуй, и Франціи. Всѣ онѣ слишкомъ дорожатъ свободами религіозно-культурной благотворительной пропаганды, чтобы рисковать

политическими протестами, которыми, иначе, въ этой адской странѣ гоненій, въ этомъ Дантовомъ адѣ на поверхности земли, имъ пришлось наполнить бы всю свою дѣятельность.

Затѣмъ, что касается Германіи, не слѣдуетъ забывать нѣкоторой пассивности въ ея общественномъ мнѣніи по вопросамъ внѣшней политики. Германская имперія еще такъ молода, еще такъ полна боренія внутреннихъ силъ, укрѣпляющихъ демократическіе устои обще-имперской и союзныхъ конституцій, что ея политическимъ людямъ—не до чужихъ нуждъ: свой домъ полонъ хлопотъ, требующихъ снѣжной и непрерывной, лихорадочной работы; нѣмцы еще свои крыши не кончили строить. Поэтому, насколько сильно вліяніе германскаго общественнаго мнѣнія на внутренніе вопросы, настолько же слабо оно въ вопросахъ внѣшнихъ, почти что монополизированныхъ императоромъ Вильгельмомъ II въ свое властное распоряженіе. О Вильгельмѣ же, авторъ мѣткого опредѣленія турецкой „политики даванія на чай“, Франсисъ Прессансе справедливо замѣтилъ на одномъ митингѣ, что „царственный Лознгринъ, блуждающій рыцарь Лебеда“ попался на коммерческую удочку султана Абдуль-Гамида—первый изъ всѣхъ европейскихъ государей. Въ самомъ дѣлѣ, Вильгельмъ II, какъ вождь пангерманизма и тевтонскаго Kultur kampfa успѣлъ покорить безденежную Турцію германскому капиталу, экономически закабалить Малую Азію и знакомъ своей побѣды поставилъ въ Константинополѣ весьма великолѣпный, но нельзя сказать, чтобы изящный, фонтанъ на старомъ византійскомъ Гипподромѣ. Однако, въ этой побѣдѣ есть нѣчто, напоминающее извѣстную побасенку объ охотникѣ на облавѣ:

- Медвѣдя поймалъ!
- Тащи сюда!
- Да не пускаетъ!

Не отрицая серьезности матеріальныхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ германскимъ капиталомъ чрезъ экономическое завоеваніе Малой Азіи, нельзя не видѣть съ ясностью, что Германія сама не замѣтила, какъ продала за эту чечевичную похлебку свою нравственную свободу въ турецкой политикѣ, а императоръ Вильгельмъ, поработавъ, поработился въ необходимость солидарности со своимъ „другомъ“ Абдуль-Гамидомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Вильгельмъ II, какъ государь образованный и христіанскаго воспитанія, не можетъ не возмущаться ужасами турецкаго режима въ Арменіи и Македоніи. Нескромные мемуаристы огласили цѣлый рядъ злѣйшихъ и часто остро-

умныхъ насмѣшекъ и колкостей, еказанныхъ германскимъ императоромъ въ интимномъ кругу по адресу своего пріятели въ Стамбулѣ. Но „царственный Лознгринъ“ убилъ въ Турціи слишкомъ много милліоновъ и своихъ собственныхъ, и государственныхъ, и частныхъ германскихъ. Онъ очутился въ положеніи черезчуръ слѣпago кредитора, который, помѣстивъ капиталъ не въ очень-то надежныя руки, платитъ за свой рискъ постояннымъ трепетомъ за каждую заминку въ дѣлахъ, за каждую семейную неприятность, за каждую лихорадку своего неоплатнаго должника: вдругъ обанкротится? вдругъ его въ опеку возьмутъ? вдругъ умретъ? Вильгельмъ II—побѣжденный побѣдитель. Абдуль-Гамидъ, со свойственнымъ ему лукавымъ геніемъ, предоставилъ императору всю внѣшность побѣды, а себѣ взялъ всю суть, какъ въ сказкѣ: „тебѣ вершки, а мнѣ корешки“! Онъ пріобрѣлъ въ императорѣ Вильгельмѣ вѣрнаго сторожа, лично заинтересованнаго въ сохраненіи дѣйствующаго турецкаго режима, такъ какъ всякая революція, династическая перемѣна или перевѣсъ вліянія какой-либо соперничающей державы разорятъ германскій капиталъ. И вотъ—мы видимъ, что Вильгельмъ въ вопросахъ о христіанскихъ народностяхъ Востока безсильно двоится на бѣлое слово и сѣренькое, либо даже черненькое дѣло. Въ 1902 году армяне нашли доступъ къ Вильгельму чрезъ одного профессора, слыващаго его личнымъ другомъ. Отвѣтъ былъ самый любезный и сочувственный принципиально, но— „еще не пришло время ставить армянскій вопросъ на политическую почву“. Протестъ германскаго посольства противъ сассунскихъ убійствъ 1904 года могъ только разсмѣшить Абдуль-Гамида, потому что, покуда дипломатія грозила султану формальными представленіями, императоръ Вильгельмъ прислалъ ему успокоительное письмо, съ совѣтами держаться достойно самодержавнаго монарха и памятовать, что въ его подданныхъ никто не воленъ, кромѣ Бога, дарующаго своею милостью власть, да его, султана, тѣни Аллаха на землѣ.

Долгая подозрительность Англии, не оказавшись бы армяне аванпостомъ русскаго движенія вглубь Азіи, какъ были они такимъ аванпостомъ до сихъ поръ въ теченіе почти трехвѣковой борьбы нашей съ турками, поколебалась отчасти подъ вліяніемъ слишкомъ очевиднаго отвлеченія русской внѣшней политики отъ интересовъ Ближняго Востока на Востокъ Дальній, главнымъ же образомъ—подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, пробужденнаго донесеніями малоазіатскихъ миссіонеръ, но убоявшихся перейти съ религіозной почвы на политическую. Громо-

вья рѣчи покойнаго Гладстона повернули политику Англии въ новое русло, благоприятное армянамъ. Назрѣлъ вопросъ вмѣшательства. Англія не изъ тѣхъ государствъ, которыя любятъ разсыпать благодѣянія даромъ, но въ 1894—96 годахъ ея поведение въ армянскомъ вопросѣ можно считать совершенно безкорыстнымъ: единственнымъ двигателемъ былъ ужасъ, внушенный обществу трехъ Соединенныхъ королевствъ крестовою проповѣдью Гладстона послѣ Сассунской бойни. Вопреки увѣреніямъ тогдашней русской офиціозной печати, англійскія симпатіи къ армянамъ не имѣли заднихъ цѣлей, направленныхъ противъ русскаго престижа. Англія тогда даже не была противъ плана поручить проведение армянскихъ реформъ Россіи. Герцогъ Аргайлскій заявилъ громкою брошюрою, что даже протекторатъ Россіи надъ Малой Азіей онъ предпочитаетъ продолженію кроваваго режима массовыхъ убійствъ, которыя „Красный Султанъ“ возвелъ въ правильную, чуть не механическую, систему. Англійскіе политики Гладстоновской школы и Гладстоновскихъ традицій до сихъ поръ повторяютъ, что удовлетворительно разрѣшить армянскій вопросъ въ состояніи только Россія.

Попытка Англии въ 1896 году положить конецъ неистовствамъ султана и страданіямъ армянъ потерпѣла неудачу, столкнувшись съ категорическимъ отказомъ Россіи, волю которой, какъ эхо, повторила Франція устами своего министра Ганото. Англія оказалась вдвоемъ съ слабосильной Италіей, неспособной принять серьезное участіе въ необходимомъ давленіи на турецкій произволъ, обставившей себя, какъ стѣнами крѣпости, терпимымъ нейтралитетомъ однѣхъ державъ, откровеннымъ покровительствомъ другихъ. Неудача очень обезкуражила Англию и сочувственныя армянамъ прогрессивныя группы въ Европѣ. Съ этого момента армянскій вопросъ какъ бы угасъ на Великобританскихъ островахъ, а Трансваальская война совсѣмъ уже заросла травой забвенія. Въ 1904 году, когда армяне Сассуна опять заставили міръ говорить о новыхъ несчастіяхъ, уготованныхъ имъ беспощадною волею Абдуль-Гамида, армянофиль Бентингъ, редакторъ „Contemporary Review“, откровенно признавался, что, еще два года назадъ, онъ ни за что не повѣрилъ бы, будто армянскій вопросъ въ состояніи всплыть наверхъ съ глубокаго дна, куда онъ было опустился.

Всплылъ же армянскій вопросъ во Франціи и благодаря Франціи. Конечно, не Франціи официальной, которая въ это время шла болѣе, чѣмъ когда-нибудь, на поводу русской бюрократической реакціи, открыто враждебной армянамъ, какъ элементу,

оказавшемуся неподатливымъ къ руссификацію и усиленно рекомендуемому изъ Константинополя за неисправимый проводникъ интернаціональной революціи. Напротивъ, официальная Франція сдѣлала не мало усилій, въ лицѣ заинтересованной дипломатіи и широко-продажной прессы, чтобы затушевать и свести на нѣтъ обличаемые факты. Но, хоть и запоздалые и въ большинствѣ дурно изложенные, они вопіяли къ небу безуміями своего ужаса. Крайняя лѣвая и крайняя правая, оппозиція социалистическая и оппозиція католическая, сошлись на почвѣ армянскаго вопроса для совмѣстныхъ дѣйствій. Отецъ Charmetan выпустилъ въ свѣтъ знаменитую, многшумную книгу свою „Мартирологъ армянскаго народа“. Сложился комитетъ рго Armenia—равно какъ и въ Лондонѣ (Balkan Committee). Рядъ конференцій, петицій, митинговъ привелъ, наконецъ, къ запросу въ палатѣ, съ яркими рѣчами Прессансе, Д. Кошена, графа Д. Менъ, Жореса и др. Здѣсь впервые Европа услышала подлинный голосъ того движенія, которое выставялось ей Востокомъ, какъ социально-революціонное и сепаратическое, направленное къ созданію новой азіатской державы, съ опаснымъ разсчетомъ обрѣзывать земли Турціи, Россіи и Персіи и нарушить систему европейскаго равновѣсія и мрачный покой вооруженнаго мира. Д. Кошенъ, католикъ и консерваторъ, огласилъ политическую программу общества Армянской Федерациі, учрежденной съ начала девяностыхъ годовъ бывшими студентами петербургскаго и московскаго университетовъ. Палата не безъ удивленія услышала, что программа этихъ страшныхъ людей представляетъ собою лишь дословное повтореніе условій о реформахъ Берлинскаго трактата и единогласно признала, что претензіи армянскаго народа не только вполне законны, удовлетворимы и должны быть удовлетворены, но и поражаютъ своею разсудительною умѣренностью. Поразительно яркая рѣчь Жана Жореса, направленная противъ ошибочныхъ теченій въ русской дипломатіи, въ періодъ ея бюрократическаго панславизма, и противъ покорнаго слѣдованія за ея капризами французской внѣшней политики, впервые огласила знаменитый въ своемъ родѣ, уже упомянутый мною афоризмъ кн. Лобанова-Ростовскаго, сказанный въ объясненіе отказа Россіи присоединиться къ другимъ державамъ для вмѣшательства въ турецко-армянскія отношенія:

— Я не хочу, чтобы турецкая Арменія сдѣлалась второю Болгаріей, и чтобы русскіе армяне воспользовались противъ насъ учрежденіями, которыя создастъ армянская автономія подъ турецкимъ протекторатомъ.

Старанія русскаго дипломатическаго корпуса оградить проектированную руссификацію Кавказа отъ фантастическаго призрака Великой Арменіи „до Ростова-на-Дону“, какъ пустилъ тогда въ ходъ легенду усердствующій корреспондентъ „Новаго Времени“, рѣзко измѣнили историческую политику Россіи на Ближнемъ Востокѣ и заставили ее отказаться отъ своего вѣкового ампула защитницы христіанъ, живущихъ подъ мусульманскимъ игомъ. Мы ошибочно пожертвовали султану судьбами азіатской Арменіи, рассчитывая обезпечить ей рабскимъ безсиліемъ миръ въ собственномъ нашемъ Закавказьѣ. Мы холодно просмотрѣли въ 1894 г. Сасунъ, гдѣ курды вырѣзали армянъ, а въ 1896 г. европейская печать рѣзко обвиняла нашего посла при султанѣ, А. И. Нелидова, въ попустительствѣ константинопольскихъ кровавыхъ репрессій, разсказомъ о которыхъ началась моя статья. Дурныхъ слуховъ не парализовало даже то наглядное обстоятельство, что безпорядки прекратились—только благодаря вмѣшательству именно русскаго посольства, что лишь энергія старшаго посольскаго драгомана П. В. Максимова спасла Оттоманскій банкъ отъ разрушенія и въ замѣнъ этой дорогой услуги турецкому правительству и европейскому капиталу, доставила „революціонерамъ“ армянской самозащиты возможность безопасно покинуть Константинополь и уѣхать въ Марсель! Европейская молва, расплываясь изъ нѣдръ международной константинопольской дипломатіи, упорно твердила, будто русское посольство, въ данномъ случаѣ, лишь уподобилась Посейдону, во власти котораго и взволновать море бурей, во власти и усмирить. Повторялось и комментировалось на тысячи ладовъ пресловутое— „massacrez, Majesté!“—, будто бы сказанное Нелидовымъ Абдуль-Гамиду, когда султанъ выяснилъ ему свое безсиліе справиться съ пожаромъ армянской революціи мирными средствами. Я видѣлся въ эту эпоху съ г. Нелидовымъ и, по впечатлѣніямъ трехъ бесѣдъ съ нимъ, имѣю всѣ данныя вѣрить, что легендарной фразы, ему приписанной, онъ не произносилъ, да, по мягкости своего характера и изяществу воспитанія, врядъ ли и способенъ прознести. Но, къ сожалѣнію, онъ питалъ какую-то расовую антипатію къ армянству, былъ глубоко убѣжденъ, что армяне „бунтуютъ“ не только противъ безобразій турецкаго режима, но представляютъ собою ферментъ всемірной революціи, вѣрилъ въ сепаратическія вождельнія русскихъ армянъ, и, по всѣмъ этимъ причинамъ добровольно занялъ въ роковомъ вопросѣ точку опаснаго, уклончиваго нейтралитета. Закрывая глаза на расовую и вѣроисповѣдную рознь, онъ утверждалъ, что армянскій вопросъ есть

внутренній вопросъ турецкой имперіи, и что султана, какъ самодержавнаго монарха, нельзя лишить права укрощать инсurreкцію, явно нарождающуюся между подданными. Страшные константинопольскіе дни слишкомъ наглядно обличили бюрократическую фальшь этой условной теоріи: пробужденное агитаціей Ильдизъ-Кіоска и потворствуемое безмолвіемъ посольства, мусульманское буйство начинало уже грозить перейти отъ армянскаго къ обще-христіанскому погрому, и русской дипломатіи, хотя и очень скрѣпя сердце, противъ воли, пришлось таки нарушить свою холодную программу предвзятаго невмѣшательства и стать вѣжливымъ—о, очень вѣжливымъ!—щитомъ между освирѣпѣлымъ звѣремъ и его жертвами.

Какъ бы ни была печальна роль русской дипломатіи въ армянскомъ вопросѣ, все же, она была сыграна, хотя съ внѣшней-то стороны, приличнѣе, чѣмъ вела себя петербургская и московская охранительная пресса. Я не помню, на примѣръ, въ русской печати факта болѣе отвратительной и безчеловѣчной лжи, чѣмъ константинопольскія корреспонденціи „Русскаго Странника“ (покойнаго Е. Львова-Кочетова) въ „Новое Время“, пытавшіяся уменьшить въ глазахъ русской публики размѣры безпорядковъ, обфлить турокъ и очернить армянъ, сваливъ на ихъ голову всю отвѣтственность за происшедшіе ужасы. Даже обвиняемое въ попустительствѣ посольство было возмущено ужъ черезчуръ безпардонно организованнымъ обманомъ общественнаго мнѣнія. Нелидовъ, Максимовъ—всѣ съ удовольствіемъ говорили, что охранители въ Россіи пересолили, что это вредно, смѣшно и пошло, что „такъ нельзя“. Въ Петербургѣ и Москвѣ были иного мнѣнія. Когда все тотъ же „Русскій Странникъ“ дописался до „красныхъ бинтовъ“, которыми, якобы, гримировались здоровые армяне, чтобы европейцы принимали ихъ за израненныхъ турками, я попробовалъ возвысить голосъ противъ всей этой системы клеветъ и... статья моя, обоснованная живыми свидѣтельствами и рядомъ фактовъ, широко открытыхъ къ провѣркѣ, не могла быть напечатана! Возвращенная мнѣ корректура до сихъ поръ покоится въ моемъ архивѣ, какъ печальный памятникъ неудачи, въ которой бюрократическая тенденція зажала ротъ голосу правды и приказала смотрѣть на дѣйствительность слѣпыми глазами.

Итакъ, русская бюрократія, дипломатія и вдохновляемая ими охранительная пресса въ девяностыхъ годахъ заняла позицію, прямо враждебную армянамъ, удерживая таковыя почти непоколебимо и до настоящаго времени. Къ сожалѣнію, нельзя

сказать, чтобы эти влияния встрѣтили значительный отпоръ въ русскомъ общественномъ мнѣніи. Даже передовыя группы нашего общества относились къ армянскому мученику съ равнодушіемъ, какъ къ дѣлу, конечно, прискорбному по человѣчеству, но далекому и чужому. Такъ, напримѣръ, тяжелый и совершенно не заслуженный нравственный ударъ нанесъ армянству графъ Л. Н. Толстой, отказавшись принять участіе въ сборникѣ Г. Н. Джаншиева, изданномъ въ пользу жертвъ турецкаго гоненія въ Малой Азіи. Между зрѣніемъ многихъ русскихъ прогрессистовъ и несчастіями Арменіи обидно стояла призма русскаго Закавказья, въ городахъ котораго, армяне представляли до послѣднихъ своихъ разореній элементъ капиталистической и консервативной. Такого предубѣжденія былъ не чуждъ даже покойный Н. К. Михайловскій. Такимъ образомъ, въ русскомъ общественномъ мнѣніи армянскій вопросъ оказался зерномъ между двумя жерновами. Реакціонеры и консерваторы, панславизмъ и руссификація объявили армянству войну, какъ силѣ революціонной, а прогрессисты, не забывая въ армянахъ „торгашей“, облавали ихъ холодомъ защиты корректной, но безстрастной, по долгу службы общей гуманности, но безъ малѣйшаго увлеченія. Нуженъ былъ весь ужасъ современныхъ закавказскихъ событій, чтобы всѣ русскіе глаза открылись на армянское горе и поняли то государственное зло, что вырастила для насъ Турція у себя, за границею, а мы его у нея послушно восприняли, пересадили на свою территорію и усовершенствовали прививкою цвѣточковъ петербургской бюрократіи.

Во Франціи голосъ общественной совѣсти, недовольной армянофобскою политикою, принятою министромъ Ганото въ угоду Россіи, говорилъ гораздо громче. Знаменательною эпохою для армянскаго вопроса во Франціи является 1900-ый годъ, когда группа наиболѣе популярныхъ политиковъ и литераторовъ парижскихъ—Анатоль Франсъ, Жанъ Жоресъ, Франсисъ Прессансе, Клемансо и др.—основали, въ видѣ поправки къ официальной политикѣ франко-русскаго союза, журналъ „Pro Armenia“. Новый органъ, въ рукахъ дѣйствительнаго своего редактора, поэта и литератора П. Кіара (въ 1896 году онъ былъ очевидцемъ константинопольскихъ убійствъ), быстро пріобрѣлъ европейскую извѣстность и значительный авторитетъ. Его безукоризненная виѣ-партийность подробно освѣтила глазамъ Европы истинное положеніе армянскаго народа и, послѣ ряда мелкихъ сочувственныхъ манифестацій, привела къ столь крупному результату, какъ армянофильскій конгрессъ 1902 г. въ Брюсселѣ,

съ участіемъ представителей Франціи, Даніи, Бельгіи и т. д. Не слишкомъ многочисленный съѣздъ членовъ на этомъ конгрессѣ съ избыткомъ вознагражденъ выраженіями сочувствія, присланными со всѣхъ концовъ Европы едва ли не всѣми выдающимися людьми современной цивилизаціи, а, главное, выработкою плана дѣйствій къ лойяльному протесту и примѣромъ, поданнымъ на будущее время. 13 февраля 1903 г. состоялся грандіозный митингъ въ одномъ изъ парижскихъ театровъ при участіи болѣе 60000 человѣкъ, съ рѣчами Прессансе, Кошена, Жореса, Поля Лероль и подъ предсѣдательствомъ г. Д'Эстурнель де Констанъ—бывшаго делегата Гаагской конференціи, одного изъ наиболѣе видныхъ и пылкихъ проповѣдниковъ международной идеи мира („пацифистовъ“), столь популярной во Франціи. Впечатлѣніе митинга отозвалось соответственными манифестаціями во всѣхъ государствахъ цивилизованнаго мира и, съ особенною яркостью, въ Италіи. Миланъ, Римъ, Генуя и т. д. отвѣтили на парижскій митингъ грандіозными армянофильскими манифестаціями. Здѣсь въ ряды защитниковъ армянскаго дѣла стали такіе люди, какъ антропологъ Серджи, социологъ Турати, поэтесса Ада Негри, Анджело Губернатисъ, Монета и др.: со всею справедливостью можно сказать, что—лучшій цвѣтъ современной итальянской интеллигенціи. Англія, въ теченіе менѣе двухъ мѣсяцевъ, отъ 29 сѣнтября до 16 ноября 1903 года, устроила 64 митинга, чрезъ посредство своего „Balkan Committee“, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательнымъ былъ митингъ въ „Saint James Hall“, подъ предсѣдательствомъ Джемса Брайса, стараго сотрудника Гладстона. Вообще 1903 годъ, благодаря новымъ обостреніямъ инсurreкціи въ Македоніи, неприятно напомнившимъ Европѣ о забвенныхъ 23 и 61 параграфахъ Берлинскаго трактата, былъ очень счастливъ для армянскаго вопроса. Новый международный съѣздъ въ Парижѣ, 25 октября 1903 года, съ засѣданіемъ въ залахъ отеля „Континенталь“ и съ митингомъ въ театрѣ Сары Бернаръ, подчеркнули еще разъ серьезность международной пропаганды „Pro Armenia“ и быстрый ростъ европейскихъ симпатій къ ея задачамъ. Въ томъ же 1903 году задачи эти были перенесены, наконецъ, изъ подготовительной инстанціи общественнаго мнѣнія на официальное обсужденіе двухъ представительныхъ правительствъ—Англии и Франціи. Новыя солунскія убійства въ началѣ 1904 года дали Франсису Прессансе поводъ къ запросу въ палатѣ депутатовъ; въ Англии ту же роль взялъ на себя Джемсъ Брайсъ.

Мы видѣли выше, что Англія потерпѣла дипломатическое

пораженіе въ своей армянофильской инициативѣ 1896 года. Впечатлѣнія неудачи дожили до нашихъ дней. Платоническія сочувствія англійскаго правительства къ армянамъ остаются неизмѣнными, но, обжегшись на молокѣ, „коварный Альбіонъ“ выучился дуть и на воду: слѣдовать за чьею-либо властною инициативою къ освобожденію Арменіи онъ готовъ охотно, взять же инициативу на себя, намятуя недавній афронтъ, не согласенъ ни въ коемъ случаѣ. Инициатива, по мнѣнію англійскихъ политиковъ, теперь должна принадлежать Франціи. Англія, Франція и Італія, неизмѣнно вѣрная идеямъ свободы, представляютъ молъ собою какъ бы тройственный союзъ мирной культуры, противопоставленный тройственнымъ и двойственнымъ союзамъ старой милитаристической Европы и обязанный осуществить политическій рай на землѣ, разбивъ именовъ цивилизаціи цѣпи и исполнивъ законныя желанія угнетенныхъ народовъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти прекрасныя слова покуда бесплодно висятъ въ воздухѣ. Англія ждетъ шаговъ Франціи, а Франція Делькассе сдѣлала для армянъ такъ же мало, какъ и Франція Ганото. По свидѣтельству многихъ дѣятелей армянскаго освободительнаго движенія, Делькассе, въ глубинѣ души, былъ армянофилъ. Такъ характеризовалъ его и президентъ Лубе, принимая делегацію армянскаго католикоса. Во всякомъ случаѣ, армянскій вопросъ обязанъ Делькассе уже тѣмъ, что выплылъ въ море парламентскихъ дебатовъ, и министръ, несмотря на весьма непріятный и щекотливый характеръ запросовъ, не старался спустить эту новую обузу въ пучину водную, какъ сдѣлалъ бы его предшественникъ. Уже самая антипатія Делькассе къ Ганото ручалась, что первый не захочетъ идти по слѣдамъ второго. И, тѣмъ не менѣе, министерство Делькассе, разрушенное конфликтомъ съ Германіей изъ-за пресловутой марокканской авантюры Вильгельма II, оставило армянскій вопросъ на той же безрадостной позиціи, какъ приняло. Делькассе ничего не смѣлъ и не могъ сдѣлать для армянъ безъ воли Россіи, русское же правительство въ послѣдніе годы не только продолжало упорствовать на плачевномъ наслѣдствѣ идей князя Лобанова Ростовскаго, но еще и усилило свою дѣятельность въ ихъ направленіи.

Кавказъ пережилъ эпоху суровой руссификаціи, которая особенно тяжело досталась армянамъ, какъ народу болѣе другихъ мѣстныхъ племенъ культурному и національно сознательному. Столкновенія руссификаціи съ армянской обособленностью на почвѣ капиталистической и, въ особенности, религіозной, дали какъ бы призрачное оправданіе предубѣжденіямъ, которыми

руководилась, обойденная Стамбуломъ, петербургская бюрократія послѣднихъ двухъ царствованій, разсматривая Арменію, какъ очагъ всевозможныхъ революціонныхъ угрозъ, и пасти Закавказья было поручено желѣзному жезлу кн. Голицына.

Суровый голицынскій режимъ не только не умиротворилъ Кавказа, но рядомъ мѣръ, унижавшихъ армянъ предъ другими народностями края, привелъ къ тому результату, что въ народѣ, который еще недавно, при намѣстничествѣ в. кн. Михаила Николаевича и главноначальствѣ кн. А. М. Дондукова-Корсакова, считался самымъ лояльнымъ и консервативнымъ, наиболѣе твердою опорой русской власти въ Закавказьѣ, дѣйствительно, началось броженіе. Увидавъ себя лицомъ къ лицу съ возможностью національной революціи и въ то же время не желая отмѣнять мѣръ, вызывающихъ и развивающихъ армянское недовольство, кавказская администрація обратилась къ поискамъ мѣстныхъ элементовъ, охочихъ и способныхъ, въ случаѣ надобности, быть противопоставленными „сепаратическому“ мятежу. Естественнымъ народомъ-соперникомъ армянъ въ Закавказьѣ являются грузины, но,—вопреки усиленной по адресу ихъ пресловутаго публициста-армянофоба, В. Л. Величко, вопреки всѣмъ крокодильимъ слезамъ, которыя пролилъ онъ, патетически оплакивая порабощеніе Грузіи армянскимъ капиталомъ,— между обоими народами оказалось слишкомъ много общихъ точекъ культурнаго соприкосновенія, чтобы изъ внѣшней, поверхностной розни ихъ выросла серьезная политическая борьба племени на племя, расы на расу. Гораздо болѣе данныхъ къ тому представила народность низшей культуры—и къ тому же мусульманская—татары. Вѣковые враги христіанскихъ народностей Закавказья, сломленные только русскими завоеваніями, мирные лишь подъ страхомъ присутствія русской военной силы въ Закавказьѣ, они именно къ армянамъ полны особой ненависти, въ которой, несомнѣнно, есть мѣсто причинамъ экономическимъ и религіознымъ, но главная ея основа—органическая, наслѣдственная, расовая, Мусульманская анархія за Кавказомъ началась единичными случаями разбойничества, которое, при бездѣйствіи или вялости мѣстныхъ властей, весьма скоро приняло въ елисаветпольской губерніи характеръ и размѣры соціальной эпидеміи. Сразу бросалась въ глаза ярко выраженная армянофобія разбойничьяго мусульманскаго „рыцарства“,—это слово тѣмъ умѣстнѣе, что въ организаціи шаекъ принимали участіе, главнымъ образомъ, представители полудикаго татарскаго дворянства, „беки“, увлекаемые въ разбой либо нуждою, либо кровною

местью, либо просто абречкою удалью. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ разбойниковъ, Мурзакуловъ, даже кончилъ курсъ въ елисаветпольской гимназіи. Необычайно рѣдко случалось, чтобы татаринъ-разбойникъ посягнулъ на пасть на русскаго, и немногочисленныя русскія жертвы закавказскаго разбоя, обыкновенно погибли по ошибкѣ, принятыя за армянъ. Эта система, скрывавшая лишь азіатскую осторожность, — не ожесточать противъ себя, до поры до времени, русскихъ властей непосредственною и личною враждою — была ложно истолкована въ смыслѣ мнимо руссофильства татаръ. Разумѣется всѣ эти Кяримки, Наби, Мурзакуловы, Мурады преслѣдовались властями по долгу службы, однако, въ большинствѣ, весьма неуспѣшно, такъ какъ организованная для борьбы съ разбоемъ земская стража (чапары) изъ татаръ же не только мирволила землякамъ, но очень часто и общничала съ ними. Но преслѣдованія не исключали извѣстнаго романтическаго сочувствія къ силѣ новѣйшимъ Карламъ Морамъ — якобы мстителемъ армянскому капиталу за татарское обнищаніе, къ тому же столь рыцарски дающимъ пощадку жизни и имуществу русскихъ поселщиковъ края. Къ сожалѣнію, не замѣтили одного, — что съ тѣми русскими поселщиками, которые, какъ сектанты, не стояли подъ особымъ покровительствомъ властей, эти своеобразные руссофилы церемонились столько же мало, какъ и съ армянами.

Принять татаръ за „благонадежный“ элементъ Закавказья, на который руссификаціи можетъ рассчитывать въ случаѣ армянской революціи, было жестокою ошибкою кн. Голицына. Онъ попался въ ловушку могучей тайной силы, которая давнымъ-давно переползла изъ Малой Азіи черезъ Араксъ, чтобы оплести Закавказье тонкою сѣтью религіознаго и расоваго заговора, извѣстнаго подъ названіемъ панисламическаго союза. Эта организація, устроенная, благословленная и вооруженная султаномъ Абдуль-Гамидомъ для борьбы съ ослабѣвшимъ вліяніемъ Россіи въ Малой Азіи, возникла въ тѣ самые годы, когда мы такъ предупредительно помогали Стамбулу душить послѣдніе голоса свободы, въ націи, которая съ XVII вѣка подавала ключи русскому движенію на Ближній Востокъ и оказала Россіи такъ много услугъ въ шестидесятилѣтней кавказской войнѣ и въ мало-азіатскихъ кампаніяхъ нашихъ противъ турокъ. Враги наши гораздо лучше насъ оцѣнили роль армянъ, какъ историческихъ и естественныхъ союзниковъ Россіи, и, едва наша политика, подъ впечатлѣніями балканскихъ разочарованій, отвратила лицо свое отъ Ближняго Востока къ Дальнему, султанъ

Абдуль-Гамидъ поспѣшилъ разорить и опустошить турецкую Арменію, какъ обязательную станцію и оплотъ русскихъ походовъ прошедшихъ и будущихъ. Ослѣпленная панславистическимъ идеаломъ на московскій ладъ, увлеченная руссификаціей, напуганная призраками „всемирной соціальной революціи“, обманутая подозрѣніями сепаратическихъ вождельнѣй, русская бюрократическая дипломатія не хотѣла понять, что, вырѣзавъ 300.000 армянъ въ Сассунѣ и десятки тысячъ вообще по Малой Азіи, султанъ Абдуль-Гамидъ, въ сущности, уничтожилъ почти полумилліонный русскій авангардъ — и, если не навсегда, то на десятки лѣтъ лишилъ наше отечество любви и довѣрія трехмилліоннаго населенія, чьи симпатіи создавали намъ столько преимуществъ на театрѣ малоазіатскихъ войнъ. Побѣдосность русскихъ наступательныхъ войнъ значительно обуславливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что русскія арміи двигались на непріятеля по дружественнымъ территориямъ — землями предуднайскихъ славянъ, землями армянъ, даже при усмирении польскаго мятежа русскія войска имѣли за себя этотъ козырь въ крестьянствѣ, благодарномъ за 19 февраля. Японская война — едва ли не первый нашъ опытъ войны на территоріи, къ намъ недоброжелательной, и несомнѣнно, что и это важное условіе не слѣдуетъ забывать въ числѣ множества другихъ причинъ, объясняющихъ трагическіе разгромы русскихъ армій въ Манчжуріи. Вырѣзывая армянъ, Абдуль-Гамидъ вырѣзывалъ русскую силу, русскія симпатіи. Девяностые годы создали намъ Манчжурію въ турецкой Арменіи. А кн. Голицынъ приложилъ старанія, чтобы въ Манчжурію обратилась и Арменія русскаго Закавказья: страна съ мирнымъ населеніемъ, доведеннымъ до отчаянія своимъ внезапнымъ безправіемъ, и наводненная шайками мусульманскихъ хунзуровъ!

За политику руссификаціи Кавказъ заплатилъ уже гибелью одного изъ важнѣйшихъ національныхъ сокровищъ Россіи — бакинскаго нефтянаго промысла. И — кто знаетъ, не есть ли это только начало расплаты? Сегодня, когда я пишу эти строки, пришедшія русскія газеты рассказываютъ, что татары — полные хозяева Баку, не сдаются на мирныя условія и заявляютъ властямъ, что противъ русскихъ они ничего не имѣютъ, но армянъ не желаютъ: пусть армяне уходятъ изъ края, куда имъ угодно, если не хотятъ новой и новой рѣзни! А рѣзня, конечно, всегда будетъ побѣдоносна для татаръ, потому что они отлично вооружены, а въ рукахъ армянина оружіе самозащиты разсматривается русскою администраціей, какъ символъ сепаратическаго бунта и революціонныхъ замысловъ. Итакъ, Баку — этотъ во-

точный ключъ къ преобладанію на Кавказѣ, на завоеваніе котораго соединенныя культуры трехъ христіанскихъ народовъ—русскаго, грузинскаго и армянскаго—истратили столько усилій,—фактически снова въ мусульманскихъ рукахъ, и татарская анархія ставитъ ультиматумы русской власти!

А, впрочемъ, я сомнѣваюсь, удачна ли эта терминологія „татарская анархія“, столь частая теперь въ русской печати. Она несомнѣнно хорошо опредѣляетъ длящейся хаосъ неурядицы, кровью и пламенемъ опустошающей несчастный край. Но хаосъ этотъ—лишь анархическое слѣдствіе причинъ, можетъ-быть, совсѣмъ не анархическихъ, но и очень строго управляемыхъ и тщательно направляемыхъ. Это слова мои—отнюдь не намекъ на мрачные слухи, нашедшіе громкій откликъ не только въ заграничной печати, но и въ прогрессивныхъ русскихъ органахъ, будто бакинскія трагедіи были сознательно благословлены къ бытію враждебною армянамъ кавказскою администраціей. О такихъ возможностяхъ надо говорить или подробно, или не говорить ничего. Я имѣю въ виду причины не внутреннія, но внѣшнія: ту правильную панисламическую агитацію изъ-за турецкаго рубежа, которая, прервавъ временно палачествовать у себя дома,—оно вѣдь можно и погодить немножко послѣ того, какъ, въ видѣ острастки, курдами вырѣзано 10% армянскаго населенія!—перебралась палачествовать къ намъ, губя и разоряя тотъ спасительный резервъ, какимъ въ глазахъ султана Абдуль-Гамида всегда являлись и дѣйствительно были для Арменіи турецкой армянскія полосы русскаго Закавказья. Эта же мрачная, фанатическая агитація не только не анархична, но, напротивъ, можетъ назваться образцомъ дисциплины, что подтверждали всѣ, случайно выплывавшіе на свѣжую воду, факты ея, въ родѣ пресловутаго елисаветпольскаго заговора, обнаруженнаго въ 1899 году.

Я, авторъ этой статьи,—не только не врагъ Ислама, какъ могутъ обобщить охочіе люди изъ моихъ предостереженій противъ опасностей панисламическаго союза, но наоборотъ, мнѣ случалось не разъ печатно вступаться, именемъ справедливости и человѣчности, за права мусульманскихъ инородцевъ Россіи, поправныя административнымъ усердіемъ получше угодить требованіямъ руссификаціи. Мнѣ даже пришлось однажды быть судимымъ за рѣзкую печатную защиту татарскаго бека, адвоката, человѣка съ университетскимъ образованіемъ, котораго уѣздный начальникъ, желая избавиться отъ свидѣтеля и обличителя своихъ весьма некрасивыхъ дѣлишекъ, подвелъ было

подъ уголовщину, какъ притонодержателя разбойниковъ. За Волгою, въ Сибири, на Кавказѣ, въ Турціи—всюду имѣлъ я мусульманъ друзей. Ко многимъ изъ нихъ я на всю жизнь полонъ глубокаго уваженія, потому что искренней, вдумчивой и чуткой гуманности этихъ учениковъ Магомета можетъ позавидовать большинство изъ именующихъ себя христіанами. Тѣмъ болѣе увѣренъ я въ искусственномъ происхожденіи закавказской неурядицы, что видѣлъ собственными глазами слишкомъ много примѣровъ совершенно мирнаго и безопаснаго сосѣдства мусульманъ съ христіанами—всюду, гдѣ они предоставлены самимъ себѣ устраниваться между собою во взаимныхъ отношеніяхъ, гдѣ не дышетъ къ нимъ внѣшнею бурей чей либо религіозный или политическій фанатизмъ. Умѣла же Болгарія устроить своихъ мусульманъ такъ, что они и равноправны христіанамъ и совсѣмъ не угроза христіанскому населенію. Да и тотъ Кавказъ, что залитъ теперь кровью и пылаетъ пожарами,—давно ли онъ былъ самою мирною изъ русскихъ окраинъ? Давно ли инородческія настроенія Закавказья такъ мало зависѣли отъ религіозной розни, что—ужъ если было между кѣмъ ждатель обостреній, то между христіанами же: грузинами и армянами,—о татарахъ тогда никто и не думалъ. Сейчасъ на Кавказѣ, нельзя шага сдѣлать безъ конвоя, платятъ по 10 р. каждому казаку, чтобы проводилъ привъзжаго черезъ городъ отъ вокзала до дома, а одинокій или слабо конвоированный выѣздъ за городскую черту считается безразсудствомъ, чуть ли не равнымъ попыткѣ къ самоубійству. А въ 1889 году я одинъ одинешенекъ, безъ всякаго оружія, прошелъ Кавказъ пѣшкомъ, то-и-дѣло уходя отъ битыхъ трактовъ въ нѣдра мусульманскихъ ауловъ, и всюду встрѣчалъ самое ласковое и бережное гостепримство, и мнѣ даже въ голову не приходило, что я рискую какою-либо опасностью,—настолько былъ миренъ Кавказъ, настолько не было опасности! За какія-нибудь пятнадцать лѣтъ край переродился, попятился до нравовъ, которые были анахронизмомъ даже для временъ Лермонтова, которыхъ не найти и въ пушкинскомъ „Путешествіи въ Арзрумъ“! Мы снова въ вѣкѣ „оказіи“ и „чеченца, ходящаго за рѣкой“!

Турецкая политическая пропаганда панисламизма, въ которой религіозный фанатизмъ не цѣль, но только орудіе, струится въ Закавказье изъ Константинополя черезъ Малую Азію непрерывнымъ токомъ уже очень давно. Собственно говоря, съ тѣмъ или другимъ названіемъ, она всегда шевелилась подъ пеломъ—съ тѣхъ поръ, какъ паденіе Гуниба сдѣлало русскихъ

совершенными и окончательными владыками перешейка. Она создала массовую черкесскую эмиграцию, будила бунты в Абхазии, брожение в Чечне, за нее тысячи ингушей заплатили переселением в Сибирь—на вѣрную смерть отъ чахотки. Но, если русское управление Кавказомъ в шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ не было чуждо частныхъ ошибокъ, можетъ-быть, и крупныхъ, то, во всякомъ случаѣ, общій принципъ руководившей имъ терпимости національной и религіозной настолько выгодно отличалъ его отъ всѣхъ маленькихъ феодальныхъ правлений, вразбросъ пережитыхъ Кавказомъ до русскаго завоеванія, что панисламическая пропаганда не могла пустить глубокихъ корней въ его почву, какъ сила политическая. Религіозные фанатики Ислама уходили въ Турцію, умѣренный элементъ спокойно оставался дома, находя, что вѣра вѣрою, а жизнь жизнью, и что, разъ русское правительство вѣры не тревожить, то жить въ странѣ хоть сколько-нибудь подзаконной гораздо выгоднѣе и пріятнѣе, чѣмъ подъ гнетомъ беззаконнаго деспотизма, который—какъ это именно черкесская эмиграція испытала въ Турціи—окупаетъ свое гостепримство вербовкою покровительствуемыхъ въ шайки официальнаго разбоя. Съ первыми вліяніями руссификаторскихъ тенденцій, русская администрація на Кавказѣ, совершенно измѣнивъ прежней тактикѣ, стала нащупывать капризную и сомнительную систему національнаго фаворитизма. Были въ чести армяне,—въ подозрѣніи грузины. Вошли въ честь грузины,—началось гоненіе на армянъ. Пока не разочаровались въ тѣхъ и другихъ, держали въ черномъ тѣлѣ мусульманскихъ инородцевъ, и было время, что татары могли, по праву, называть себя несчастнѣйшими изъ кавказскихъ подданныхъ Россіи. Оказались „неблагонадежными“ армяне и не столь „благонадежными“, какъ желала бюрократія, грузины,—давайте ласкать татаръ! Именно въ этомъ „рядѣ волшебныхъ измѣненій милаго лица“, подъ шумъ этихъ капризныхъ пробъ эгоистическаго бюрократизма, откровенно показывавшаго равно всѣмъ народностямъ, что онъ для него существуетъ, а не онъ для нихъ, и которая болѣе рабски ему предается, та и будетъ возложена на лоно—именно тогда-то и выросли, какъ отраженія правительственныхъ симпатій и антипатій, грузинское безразличіе къ Россіи, армянское отчаяніе и кавказскіе успѣхи панисламической политики Абдуль-Гамида. Вооружая суровыя мѣры противъ закавказскихъ армянъ, русская бюрократія опять, сверхъ своего ожиданія, оказалась въ внезапномъ союзѣ съ турками, — очень выгодномъ для султана, но самоубійствен-

номъ для русскаго дѣла въ Малой Азій. Что происходитъ сейчасъ на Кавказѣ,—вода на мельницу султана. И мы собственными руками заботимся о томъ, чтобы вражеская мельница хорошо работала, забывая, что если она разойдется, какъ мечтаеть о томъ Абдуль-Гамидъ, то ей не трудно было смолоть понемножку и Карскую область и—вверхъ по Закавказью—хоть по самый Ахалцыхъ!

Александръ Амфитеатровъ.

Наказанія въ Персіи *).

Лѣтъ сто тому назадъ часть Закавказья находилась подъ властью Персіи. Съ переходомъ въ руки русскихъ условія жизни въ этой части подверглись большому измѣненію, въ то время какъ въ Персіи продолжаютъ господствовать тѣ же самыя порядки, свидѣтелями которыхъ являлись наши предки въ эриванской губерніи. Однимъ изъ этихъ старыхъ порядковъ являются виды наказаній и способы ихъ примѣненія.

Въ Персіи нѣтъ книгъ законовъ. Въ частности, законы о наказаніяхъ и всѣ судопроизводственныя правила составляютъ безконечную вереницу произвола и капризовъ. „Гакимъ“ **) отправляетъ правосудіе, какъ ему угодно, а „сарпарастъ“ ***) по своему произволу обираетъ народъ. Сегодня „гакимъ“ приговариваетъ убійцу къ смертной казни, а завтра преступленіе, учиненное въ тождественной обстановкѣ, остается и вовсе безнаказаннымъ или влечетъ за собой лишь штрафъ въ нѣсколько тумановъ. И все потому, что судья такъ именно хочется, что онъ настроенъ въ такомъ именно духѣ. Сегодня „кяргюзаръ“ ****) за какой-нибудь проступокъ, напримѣръ, за поношеніе религіи, назначаетъ 100 ударовъ хлыстомъ, завтра другой „кяргюзаръ“ за

*) Недавно появилась на армянскомъ языкѣ книга молодого армянскаго писателя Е. Франгіяна—подъ заглавіемъ „Адербеджанъ“. Въ ней авторъ знакомитъ читателя какъ съ адербеджанской провинціей такъ и вообще съ общественной и государственной жизнью Персіи. Нѣкоторыя главы этой интересной книги, думается, не безынтересны и для русской читающей публики; одной изъ такихъ главъ и является—„Наказанія въ Персіи“.

Прим. перев.

**) Губернаторъ.

***) Уѣздный начальникъ, рѣшающій дѣла армянъ, айсоровъ и др. народностей, кромѣ самихъ персовъ.

****) Губернскій судья и правитель, также рассматривающій дѣла армянъ, айсоровъ и т. д.

такой же точно проступокъ взыскиваетъ только нѣсколько тумановъ штрафа.

И нынче въ Персіи, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, примѣняются такія ужасныя наказанія, которыя напоминаютъ собой глубоко древнія, дикія эпохи человѣчества.

Примѣняемые въ Персіи наказанія могутъ быть подраздѣлены на 3 слѣдующія группы: древнѣйшія, новѣйшія и обыкновенныя.

Древнѣйшія въ свою очередь бываютъ: легкія и тяжелыя, первыя примѣняются за легкіе проступки, а вторыя—за тяжкія преступленія.

Среди древнѣйшихъ наказаній самымъ легкимъ и переносимымъ считается—„фалахка“. Ноги преступника кладутся въ „фалахку“ и крѣпко сдавливаются, при чемъ иногда такъ сильно, что по пальцамъ ногъ начинается струиться кровь. Въ такомъ положеніи виновный остается до тѣхъ поръ, пока не признается въ своемъ преступленіи, а если не сознается, то за „фалахкой“ слѣдуетъ другое болѣе тяжелое наказаніе. А именно, начинаютъ раскаленнымъ желѣзомъ прижигать ею голое тѣло, кладутъ горячія чаши на бритую голову провинившагося, при чемъ голову по приказанію чиновника бреютъ специально для этого.

Къ указанному роду наказаній принадлежатъ также и слѣдующія: берутъ острые камни или заостренныя палки, кладутъ между пальцевъ рукъ и затѣмъ крѣпко связываютъ въ обхватъ концы самихъ пальцевъ, или же помѣщаютъ большіе камни между ногъ и также связываютъ толстой бичевкой ступни ногъ. Наказываемый долгое время остается въ такомъ положеніи, при чемъ случалось, что отрывались пальцы рукъ.

Есть и болѣе ужасныя наказанія, примѣняемые къ тяжкимъ преступникамъ, напримѣръ, къ убійцамъ. Среди этихъ наказаній самыми тяжелыми являются: вставленіе камыша и привѣшиваніе къ половымъ органамъ. Вставленіе камыша—по одному уже своему названію вселяетъ ужасъ. Берутъ прежде всего крѣпкій камышъ и возможно тонко оттачиваютъ его, затѣмъ вонзаютъ подъ ногти пальцевъ, продолжая операцию до тѣхъ поръ, пока мѣстъ не дойдутъ до локтя. Всякій разъ какъ маленькая заноза попадаетъ подъ нашъ ноготь, мы совершенно лишаемся покоя, представьте же себѣ огромный камышъ, который вонзается, проникаетъ и доходитъ до локтя.

Что касается привѣшиванія къ половымъ органамъ, то наказаніе это заключается въ томъ, что преступника съ канда-

лами на рукахъ высоко вздергиваютъ за плечи на толстой веревкѣ, а къ половымъ органамъ привѣшиваютъ девятифунтовый или еще болѣе тяжелый камень, а чтобы боль сдѣлать невыносимой, повременамъ раскачиваютъ этотъ камень.

Не менѣе жестокимъ является и битье хлыстами. Впрочемъ, тяжелымъ скорѣе можно считать самый видъ этого наказанія. Связываютъ вмѣстѣ и притомъ крѣпко ноги и руки осужденнаго, сажаютъ на шею тяжеловѣснаго человѣка, иногда и двухъ (въ случаѣ отсутствія увѣсистой) и начинаютъ бить хлыстами по ногамъ, рукамъ и голой спинѣ, сообразно съ количествомъ назначенныхъ „гакимомъ“ ударовъ. Положимъ, что приказано всыпать 50 ударовъ. Это не значитъ нанести общимъ счетомъ только 50 ударовъ, а значитъ—быть 50-тью хлыстами, каждымъ поочередно, до тѣхъ поръ, покамѣстъ они всѣ не переломаются, не искрошатся. При помощи 10-ти хлыстовъ возможно, напримеръ, нанести 100 ударовъ, пожалуй даже и больше, такъ какъ и тутъ все зависитъ отъ произвола бьющаго. Въ этихъ случаяхъ играетъ большую роль и то обстоятельство, въ какой мѣрѣ родственники преступника усладили аппетиты палачей: тогда и первый ударъ не бываетъ сильнымъ, да и наносится онъ такъ, что хлыстъ немедленно ломается. Точно также и въ случаѣ отсѣченія головы родные преступника „видятся съ палачами для того, чтобы осужденнаго долго не мучили и однимъ ударомъ отрубили голову, потому что ножъ палача бываетъ иногда тупой—чѣмъ преступнику причиняются невыразимыя страданья.

Перейдемъ теперь къ новѣйшимъ наказаніямъ, но прежде всего отмѣтимъ, что упомянутыя выше древнѣйшія наказанія примѣняются въ настоящее время, подобно тому какъ и новѣйшія,—въ зависимости отъ самого преступленія.

Если, положимъ, участвовала рука въ учиненіи преступленія—ее отрубаютъ, если нога, или иной какой-нибудь другой органъ—удаляютъ его.

Но, чтобы боль была мучительнѣе, погружаютъ руку или ногу, вслѣдъ за выполненіемъ подобной операціи, въ кипятокъ. Это вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаютъ и съ тою цѣлью, чтобы, благодаря сокращенію тканей, приостановить кровотеченіе.

Къ той же категоріи относится разстрѣляніе изъ ружей или пушки. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ приговорили къ разстрѣлянію изъ пушки трехъ разбойниковъ—убійць-турокъ. Изъ нихъ одинъ, какъ оказалось, довольно зажиточный, заранѣе подкупилъ пушкарей, и послѣдніе навели дуло такъ, что дали про-

махъ. Глупая толпа принимаетъ это за чудо, думая, что тутъ замѣшана десница Аллаха, и считаетъ осужденнаго невиннымъ. Но судья вслѣдъ затѣмъ даетъ приказаніе разстрѣлять изъ ружей. Толпа снова ждетъ чуда, но... напрасно...

Еще болѣе ужаснымъ является наказаніе, гдѣ орудіемъ служить „капля воды“. Преступника крѣпко и при томъ заботливо привязываютъ къ столбу такъ, чтобы и голова не могла во все двигаться, а сверху по каплямъ, съ одинаковой силой, пускаютъ воду на голову жертвы. Цѣлыми мѣсяцами продолжается это мученіе до тѣхъ поръ, пока не продолбится черепъ и не проникнетъ вода въ мозги. Въ настоящее время указанное наказаніе примѣняется весьма рѣдко.

Также рѣдко прибѣгаютъ къ умерщвленію посредствомъ льда: осужденнаго сажаютъ и обкладываютъ со всѣхъ сторонъ льдомъ, отчего онъ и умираетъ. Хотя это наказаніе и не столь часто практикуется, тѣмъ не менѣе поставленіе голого человѣка на ледъ или въ холодную воду считается однимъ изъ обычныхъ наказаній. Весьма часто облаютъ голое тѣло преступника кипяткомъ, отъ чего оно, конечно, совершенно обваривается.

Повѣшеніе считается обычно-примѣняемымъ наказаніемъ, часто совершаемымъ съ большимъ торжествомъ, дабы произвести устрашающее воздѣйствіе на толпу.

Случается, что человѣка зарываютъ живымъ и такъ умерщвляютъ: преступника помѣщаютъ въ яму и засыпаютъ со всѣхъ сторонъ известью, такъ что только голова его остается снаружи. Подъ дѣйствіемъ извести несчастный заживо обваривается и умираетъ.

Бываетъ и такъ, что оставляютъ въ стѣнѣ отверстіе, ставятъ туда осужденнаго, послѣ чего задѣлываютъ отверстіе сверху и со всѣхъ сторонъ,—несчастный живьемъ замуравливается въ стѣнѣ и такъ умираетъ.

Столь же необыкновеннымъ и ужаснымъ является слѣдующаго рода наказаніе: преступницу помѣщаютъ въ мѣшокъ, а съ нею вмѣстѣ въ тотъ же мѣшокъ сажаютъ кошку и собаку, иногда только одну изъ послѣднихъ. Затѣмъ завязываютъ сверху мѣшокъ и начинаютъ бить хлыстами. Въ мѣшкѣ начинается ужасная трагедія—неестественная борьба между тремя существами, оканчивающаяся смертью всѣхъ ихъ. Это наказаніе примѣняется только къ женщинамъ, и главнымъ образомъ къ развратнымъ.

Для женщинъ также установлено сѣченіе хлыстами, но любо-

пытенъ способъ примѣненія этого наказанія, вполнѣ, конечно, естественный съ точки зрѣнія психики самихъ персовъ: женщину вводятъ въ домъ, принуждаютъ выставить наружу черезъ маленькую форточку руки и бьютъ по нимъ хлыстами.

Тюремное заключеніе по самой сущности своей считается въ Персіи за легкое наказаніе. Вообще заключенныхъ весьма незначительное количество, во первыхъ, потому, что тюрьма признается легкимъ наказаніемъ, а во вторыхъ, главнымъ образомъ, потому, что не существуетъ тюремнаго управленія. О необходимыхъ средствахъ пропитанія заключеннаго, какъ то хлѣбъ, водъ, табакъ и пр., заботятся близкіе и родственники отбывающаго наказаніе, а если кому либо изъ завѣдомо богатыхъ тюремщиками отпускаются продукты, то лишь потому, что тюремщики, надѣются впослѣдствіи получить обратно вдесятеро больше.

Въ Персіи каждое должностное лицо, напримѣръ „валиатъ“ *), „кяргюзаръ“, губернаторъ и пр. имѣетъ свою отдѣльную тюрьму. Мнѣ пришлось видѣть тюрьму „валиата“. Я пробылъ въ этой тюрьмѣ всего только 10 минутъ и то чуть было не задохся. Дверь тюрьмы со скрипомъ и ревомъ поднялась вверхъ, и я съ ужасомъ стоялъ, какъ бы передъ подземельемъ. Вдругъ показались тусклые и слабые лучи свѣта. Я вошелъ въ тюрьму. Это былъ длинный и узкій подземный погребъ, во всю длину его проложено было два толстыхъ бревна, и около нихъ сидѣли заключенные. Движенія ихъ не были свободны, такъ какъ ихъ ноги были продѣты въ толстыя желѣзныя кольца, ввинченныя въ бревна, и заперты на замокъ; руки у нѣкоторыхъ были въ цѣпяхъ, а ноги обременены толстыми и тяжелыми колодками. У всѣхъ на лицахъ лежалъ точно отпечатокъ смерти. Сырость пронизывала человѣка, а зловоніе было нестерпимое.

Въ погребѣ было темно, только нѣсколько тусклыхъ лучей падали сверху, придавая тюрьмѣ еще болѣе ужасный и въ то же время необыкновенно таинственный видъ. Я въ ужасѣ бѣжалъ изъ этой бойни...

Таковы тюрьмы повсюду въ Персіи; нами только что описанная можетъ пожалуй еще сойти за сносную.

Къ числу примѣняемыхъ наказаній относится кромѣ того еще одно, странное, которому подвергаютъ главнымъ образомъ несовершеннолѣтнихъ и при томъ за легкіе проступки, напри-

*) наследникъ престола, проживаетъ обыкновенно въ Тавризѣ и управляетъ всѣмъ Адербеджаномъ.

мѣръ за кражу яйца, курицы и тому подобныхъ предметовъ, имѣющихъ небольшую стоимость. Прокальваютъ ноздри и продѣваютъ крѣпкую нитку; затѣмъ „фаррашъ“ *) беретъ въ руки оба конца этой нитки и обходитъ съ провинившимся всю деревню. Весьма часто шаловливому „фаррашу“ приходитъ на мысль помучить свою жертву, и съ этою цѣлью онъ начинаетъ бѣжать впередъ, такъ что нитка натягиваясь, увеличиваетъ значительно боль, для избѣжанія чего мальчикъ принужденъ бѣжать сзади съ такою же скоростью, какъ и самъ „фаррашъ“.

Примѣняется между прочимъ и такое наказаніе: преступника за ухо прибиваютъ къ дереву и чѣмъ-либо покрываютъ лицо, при чемъ всякій, мимо идущій, поднимаетъ эту завѣсу, плюетъ въ лицо и проходитъ дальше.

Перейдемъ теперь къ обычнымъ наказаніямъ. Такимъ главнымъ образомъ является штрафъ, пеня. Въ случаѣ учиненія кражи, драки и вообще прочихъ проступковъ богатый всегда находитъ возможность избавиться отъ этого наказанія, которое непременно приходится нести бѣдному. Достаточно, чтобы дѣло о дракѣ или о денежномъ долгѣ попало въ руки судьи или „сарпараста“. Умный судья прекрасно знаетъ, что ему нужно дѣлать. Онъ прежде всего призываетъ якобы провинившагося, приказываетъ отколотить его хорошенько и только по полученіи известной суммы штрафа отпускаетъ съ миромъ.

Затѣмъ судья требуетъ къ себѣ противника, опустошаетъ его карманы и освобождаетъ. Однако процессъ этимъ не кончается: черезъ нѣсколько дней судья вновь приглашаетъ явиться, подвергаетъ сѣченію и, получивъ взятку, вновь отпускаетъ. Это столь обычное явленіе въ персидской жизни, что всюду, въ любомъ городѣ повседневно можно натолкнуться на подобную экзекуцію. Въ такихъ случаяхъ и „фарраши“ умѣютъ наживать. Они становятся на колѣни у дверей дома преступника и удаляются лишь тогда, когда получаютъ отъ него нѣсколько „грановъ“ **), въ противномъ же случаѣ, т. е. при неполученіи „фаррашъ“ угрожаетъ привлечь, потянуть провинившагося къ судѣ.

Положимъ, что въ какой либо деревнѣ произошло убійство. Судья вовсе не заботится изловить преступника и наказать его, но требуетъ отъ деревни въ видѣ штрафа, огромную

*) Городовой, слѣдящій за порядкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приводящій въ исполненіе тѣ или другіе приговоры своего начальника.

***) Монета, стоящая 14—18 коп., въ зависимости отъ курса.

сумму денегъ; такъ какъ убійство случилось въ этой деревнѣ,— значитъ на нее и должна пасть отвѣтственность.

Приведемъ здѣсь въ примѣръ одинъ изъ тысячи случаевъ: въ какой то армянской деревнѣ совершается убійство еврея. Судья, пронюхавъ объ этомъ, является съ волчьимъ аппетитомъ въ деревню и предъявляетъ къ жителямъ ужасныя требованія. Послѣдніе указываютъ на убійцу и приводятъ доказательства того, что они ни въ чемъ не виноваты. Но судья до этого нѣтъ рѣшительно никакого дѣла, она требуетъ, какъ должно, деньги, и вся деревня уплачиваетъ 200 тумановъ штрафа. И это не единичный случай. Чиновники не упускаютъ случаевъ, такъ какъ благодаря этому имъ представляется возможность угнетать народъ, выжимать изъ него послѣдніе соки, услаждая тѣмъ самымъ свои аппетиты. Весьма часто должностныя лица сами создаютъ поводы и, поръ разными предлогами приглашаютъ къ себѣ жертву и сдираютъ съ нея взятку.

Загляните ка въ Салмасть—страну классической взятки, и присмотритесь къ тому, что тамъ творится. Персидскія власти не только не наказываютъ бродягъ и злодѣевъ, а наоборотъ берутъ ихъ подъ свое покровительство и защиту. Поступаютъ такъ, конечно, имѣя въ виду свою личную выгоду. Эти штрафы и взятки разрушаютъ экономическое благосостояніе народа, который благодаря имъ становится совершенно обнищальнымъ.

Перев. А. Кусиковъ.

Кавказская хроника.

Хроника освободительнаго движенія.—Экономическая или политическая программа?—Проявленія контръ-революціи на Кавказѣ.—Роль революціонныхъ и конституціонныхъ партій у насъ.

Манифестъ 17-го октября, въ виду наступившихъ затѣмъ колебаній въ проведеніи его въ жизнь, не остановилъ революціоннаго движенія въ Россіи. Движеніе это, напротивъ, въ теченіе послѣдующихъ двухъ мѣсяцевъ, все болѣе и болѣе возрастало. Крестьянскія волненія и погромы охватили половину соннаго до того царства внутреннихъ губерній. Броженіе проникло даже въ чиновничью среду (забастовка почтово-телеграфныхъ чиновниковъ) и, что важнѣе всего, въ войско. Нашъ край не отставалъ отъ остальной Россіи и здѣсь также имѣли мѣсто и крестьянское движеніе, и стачки чиновниковъ и учащихъ, и броженіе въ войскѣ.

Нѣкоторые сторонники правительства утѣшаютъ себя мыслью, что всѣ эти явленія имѣютъ скорѣе экономическую, чѣмъ политическую причину. Войска добиваются улучшенія своего содержанія, чиновники—увеличенія жалованья и сокращенія работы, крестьяне—расширенія ихъ землепользованія.

Дѣйствительно, нигдѣ трудящійся классъ не находится въ такомъ незавидномъ положеніи, какъ у насъ, въ Россіи, Крестьяне, рабочіе, солдаты, матросы, низшій классъ служащихъ въ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, всѣ они испытываютъ крайнюю нужду и гнетъ. Трудъ слишкомъ дешевъ, земли слишкомъ мало. А война показала, что японскіе солдаты несравненно лучше обставлены въ экономическомъ и моральномъ отношеніи, чѣмъ наше войско. Тамъ генералы получаютъ несравненно менѣе, чѣмъ у насъ; зато солдатъ не испытываетъ нужды и не теряетъ своего достоинства. Самосознаніе теперь про-

будилось и у насъ, въ массахъ, и протестъ ихъ противъ общаго гнета вполне естественъ.

Но ни одинъ изъ этихъ недовольныхъ элементовъ не забываетъ основной причины своего неудовлетворительнаго экономического положенія—своеволя и безсердечія высшей бюрократіи. Всѣ они хорошо понимаютъ, что улучшенія своего экономического положенія можно добиться только путемъ политическихъ реформъ: путемъ утвержденія свободы, путемъ широкаго народнаго представительства, путемъ учрежденія общественнаго контроля надъ администраціей.

Вотъ почему общимъ лозунгомъ для всей страны является возможно скорый созывъ народныхъ представителей, путемъ *всеобщей*, равной, прямой и тайной баллотировки, причемъ на первую очередь должны быть поставлены вопросы о пересмотрѣ основныхъ законовъ государства, поземельный, рабочій и о расширеніи мѣстнаго самоуправления.

Необходимо поспѣшить всѣми этими реформами. Въ противномъ случаѣ всѣмъ народомъ могутъ овладѣть, несмотря ни на какія репрессіи, крайнія партіи, написавшія на своемъ знамени провозглашеніе республики и упраздненіе частной собственности.

Напрасно нѣкоторые сторонники реакціи возлагаютъ надежды на поддержку со стороны сельскаго населенія и темныхъ элементовъ горожанъ.

Сельское населеніе, когда то очень отсталое и инертное, въ послѣднее время все болѣе и болѣе проявляетъ сознательное отношеніе къ своему тяжелому положенію. Никакія репрессіи не могли заглушить въ крестьянскомъ населеніи тифлисской и кутаисской губ. стремленія къ лучшему будущему. Протестъ противъ существующаго порядка слышится не только на окраинахъ, но и въ центрѣ. Крестьянскіе погромы въ внутреннихъ губерніяхъ уже приняли эпидемическій характеръ. Что касается городского населенія, то только чиновничество, да и то не все, а только незначительная часть его, заявляетъ себя стороннимъ оживающаго правительственнаго режима. Полиція все еще усердно формируетъ черныя сотни для разгрома жилищъ мирнаго населенія (достаточно хотя бы вспомнить погромъ 22-го октября въ Тифлисѣ). Къ этой же категоріи провокаторскихъ подвиговъ нужно отнести организацію въ восточномъ и юго-восточномъ Закавказьѣ армянскихъ погромовъ. Въ этихъ погромахъ много общаго съ разыгрывавшимися и раньше, и въ октябрѣ еврейскими погромами въ разныхъ концахъ Россіи: вездѣ дѣйство-

вали по одной программѣ—поддонкамъ народа давалась полная свобода грабить, сжигать, убивать мирныхъ гражданъ, заподозрѣнныхъ въ освободительномъ движеніи.

Напрасно газ. „Баку“ и нѣкоторыя другія мѣстныя газеты, а съ ихъ словъ и столичные органы, придавали большое значеніе у насъ панисламизму. Имъ заражены небольшіе круги духовенства и мусульманской интеллигенціи и онъ въ другихъ мѣстахъ, наприм. въ Персіи, не имѣетъ воинствующаго характера въ массахъ. Онъ не имѣлъ такого характера и у насъ раньше, и не могъ бы имѣть такого характера и въ послѣднее время, если бы не получилъ толчка извнѣ. Восемь лѣтъ управленія кн. Голицына краемъ, челоѣконенавистническая пропаганда агентовъ Плева, Побѣдоносцева и др. не могли не имѣть вліянія на разжиганіе племенной розни. Подавленіе всякой самодѣятельности мѣстныхъ народностей не могло не вызвать недовольства въ наиболѣе культурныхъ слояхъ армянскаго и грузинскаго населенія. Но грузинское населеніе изолированнѣе въ географическомъ отношеніи, силеннѣе, сильнѣе и атака поведена была прежде всего противъ армянъ. Армяне осмѣлились бороться съ произволомъ бюрократіи и поэтому они были объявлены „внутренними врагами“, а съ врагами всѣ средства вѣдь хороши: смертная казнь, массовыя административныя высылки и, наконецъ, погромы при помощи черныхъ сотенъ. Сотни трудно было набрать изъ армянъ же и русскихъ. Болѣе подходящимъ матеріаломъ оказалась некультурная татарская масса и вотъ она направлялась на армянъ.

Послѣ убійства бакинскаго губернатора, кн. Накашидзе, мнѣ приходилось говорить съ нѣкоторыми его прежними интеллигентными сослуживцами. Они не вѣрили, чтобы кн. Накашидзе участвовалъ въ этой рѣзни. „Онъ былъ просвѣщенный и мирный челоѣкъ! говорили мнѣ,—онъ не могъ поднять руку на мирныхъ жителей“. Результаты слѣдствія еще не опубликованы и мѣра участія кн. Накашидзе въ бакинскихъ кровавыхъ событіяхъ мнѣ доподлинно неизвѣстна. Но аргументы, приводимые въ его защиту, не могу не признать крайне слабыми. Развѣ на войну идутъ только необразованные и безпокойные люди. А борьбу съ армянами дѣятели изъ школы Плева считали и считаютъ войной съ врагами государства. Они армянъ не считаютъ мирными гражданами. Каждый армянинъ, по ихъ убѣжденію (искреннему или неискреннему—это другой вопросъ), начиненъ бомбами или по крайней мѣрѣ опасный попуститель и укрыватель. Борьбу съ армянами огнемъ и мечомъ они

считают своимъ служебнымъ долгомъ. Не будь кн. Накашидзе такихъ взглядовъ—онъ не считался бы кандидатомъ на весьма вліятельный постъ директора канцеляріи главноначальствующаго и не былъ бы назначенъ бакинскимъ губернаторомъ. И это—въ разгаръ режима Плеве и кн. Голицына, когда туземцы съ большимъ трудомъ получали даже мѣсто простого стражника или дворника.

Конечно, не всѣ чиновники у насъ таковы. Но до послѣдняго времени силу у власти имѣли только тѣ изъ нихъ, которые дѣйствовали въ духѣ кн. Голицына и Плеве. Какъ въ чиновничествѣ, такъ и въ войскѣ появились новые люди, до сихъ поръ игравшіе пассивную роль, и теперь имѣющіе возможность громко протестовать. Но неизвѣстно, могутъ ли они держаться новой программы. Какъ ни силенъ глава новаго правительства, гр. Витте, но даже онъ оказывается часто безсиленъ съ закулисными теченіями.

Такая двойственность однако не можетъ длиться долго. Россія должна или пойти по новому пути, выполнивъ манифестъ 17-го октября полностью, или пойти вспять, по программѣ Дурново и Трепова, и придти къ военной диктатурѣ. Но военная диктатура вызоветъ новый взрывъ междуусобицы, вооруженнаго возстанія, голодъ, финансовое банкротство, вмѣшательство иностранныхъ государствъ, не исключая даже Турціи. Словомъ, это будетъ смерть обширнѣйшаго государства въ мірѣ и ужасъ для многочисленнаго его населенія.

Естественно, что въ такое время выступила партія, которая надеется, что довольно крови и слезъ, что пора крайнимъ партіямъ—какъ революціонной, такъ и реакціонной—сложить оружіе и уступить мѣсто конституціонно-демократической партіи, способной укрѣпить свободу для всѣхъ частей населенія и приступить къ созидательной работѣ. Это партія—бывшая освободительная (П. Струве), преобразовавшаяся затѣмъ въ земско-городскую и конституціонно-демократическую. Партія эта согласна поддерживать правительство, но только при условіи производства выборовъ въ госуд. думу путемъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ. Эта партія желаетъ, чтобы дума въ первое время играла роль учредительнаго собранія, а затѣмъ немедленно приступила къ реформамъ—по рабочему и аграрному законодательству и по дарованію окраинамъ автономіи.

Возникновеніе этой партіи на Кавказѣ земеллилось, въ виду того, что у насъ нѣтъ земскихъ учрежденій, которыя во внутреннихъ губерніяхъ явились естественнымъ очагомъ для нея.

Кромѣ того, разноплеменность населенія у насъ выдвигаетъ довольно сложныя проблемы по вопросу объ автономіи нашей окраины. Тѣмъ не менѣе, такая партія недавно зародилась и у насъ. Она образовалась въ Кутаисѣ изъ представителей городскихъ управленій кутаисскаго и потійскаго, въ Тифлисѣ—главнымъ образомъ изъ представителей свободныхъ профессій.

Въ партію эту могутъ войти не только буржуазные элементы, но и радикальныя группы всѣхъ прочихъ партій. Нужно только, чтобы эти группы преслѣдовали не только одностороннія цѣли отдѣльныхъ классовъ—рабочаго, крестьянскаго,—или отдѣльныхъ народностей—грузинъ, армянъ или татаръ, а общія политическія цѣли—осуществленіе широкой гражданской свободы. Такая свобода нужна для всѣхъ партій и народностей и осуществленіе ея путемъ мирной парламентской работы—вотъ лозунгъ конституціонно-демократической партіи. Орудіе у нея можетъ быть очень могущественное, если она сумѣетъ воспользоваться имъ—это газетная и устная пропаганда и избирательная борьба. Орудіе это оказывалось полезнымъ даже въ глухую пору придавленности всѣхъ общественныхъ силъ; тѣмъ болѣе оно будетъ полезнымъ теперь при завоеванной страной свободѣ слова и союзовъ.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ, въ Елисаветполѣ и Тифлисѣ возникла татаро-армянская рѣзня. И здѣсь повторилось то же, что уже было въ Баку, Нахичевани, Шушѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ Закавказья съ начала года.

Дѣло началось въ Елисаветполѣ съ единичныхъ убійствъ, а затѣмъ пошла массовая рѣзня. Въ результатъ болѣе 80 чел. убитыхъ, а раненыхъ—нѣсколько сотъ человѣкъ. Какъ вездѣ, и тутъ полиція бездѣйствовала, войска было очень мало. Губернаторъ накануне выѣхалъ въ Тифлисъ, а генераль-губернаторъ находился, какъ всегда, что все обстоитъ благополучно *).

Въ Тифлисѣ—татаръ мало и поэтому провокація не была здѣсь такъ хорошо замаскирована, какъ въ другихъ мѣстахъ. Какія-то неизвѣстныя лица, повидимому, не татары и не армя-

*) Газ. „Возрожденіе“ взяла на себя неблагодарную роль защитницы елисаветпольскаго генераль-губернатора ген. Такайшвили. Онъ ничего моль не могъ подѣлать, такъ какъ у него было войска очень мало. Но онъ въдѣ три мѣсяца несъ обязанности генераль-губернатора. Срокъ достаточный, чтобы или войскомъ запастись, или отказаться отъ своей должности.

не, развѣзжали по городу въ фазтонахъ и давали холостые выстрѣлы. Благодаря этому паника быстро распространилась по всему старому городу, гдѣ преимущественно живутъ армяне и мусульмане. Участились случаи убійствъ, пораненій и поджоговъ. Здѣсь татары пострадали болѣе армянъ. Это вполне понятно: въ Тифлисѣ армянъ несравненно больше, чѣмъ татаръ. Этого не хотѣли понять только разные фобы, которые по обыкновенію главную вину сваливали на армянъ.

На помощь тифлисскимъ мусульманамъ явились борчалинскіе татары, вооруженные и съ конницей. Городу угрожала серьезная опасность. Каждую минуту ждали, что они ворвутся въ центръ города и разгромятъ богатые кварталы. Только соединенныя усилія армянской партіи „Дашнакцутюнъ“ и социаль-демократовъ спасло населеніе отъ большихъ несчастій.

По ходатайству горожанъ администрація выдала 500 ружей нейтральной дружинѣ социаль-демократовъ и это немало способствовало къ предупрежденію массовыхъ столкновеній между враждующими сторонами. Такая мѣра была кстати въ виду обычнаго въ подобныхъ случаяхъ бездѣйствія войска и полиціи. Но не такъ посмотрѣли на дѣло штабные офицеры. Они заявили горячій протестъ противъ этой мѣры и не стѣснялись грозить высшей администраціи, допустившей такую „оплошность“. Насколько однако умѣстно было вооруженіе населенія показывается поведеніе тифлисской полиціи во все время армяно-татарскихъ столкновеній въ Тифлисѣ. Въ это тревожное время полиція почти вовсе исчезла.

Только бдительность населенія, только организованная имъ самооборона спасли Тифлисъ отъ конечной гибели. Во всѣхъ концахъ города населеніе ловило хулигановъ съ обмоченными фотогеномъ тряпками. Замышлялись грандіозные поджоги, за которыми очевидно послѣдовалъ бы разгромъ всего города.

Нехорошія вѣсти доносятся и изъ другихъ угловъ нашего края: въ Кутаисѣ—серьезное столкновеніе казаковъ съ населеніемъ, въ Батумѣ—тоже, въ мингрельскихъ уѣздахъ кутаисской губ. крестьянское движеніе разгорается и идутъ разгромы помѣщичьихъ усадебъ; въ восточномъ Закавказьѣ продолжается напряженное состояніе населенія въ виду частыхъ татаро-армянскихъ столкновеній и пр.

При примиреніи армянъ съ татарами въ Тифлисѣ возникла мысль объ устройствѣ здѣсь армяно-татарскаго съѣзда для выработки условій прочнаго мира. Желая успѣха работамъ съѣзда,

нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ непожелать, чтобъ эта цѣль дѣйствительно была достигнута и край получилъ такимъ образомъ возможность заняться культурной работой и не отставать отъ общаго освободительнаго движенія.

А чтобы эта цѣль была дѣйствительно достигнута, для этого необходимо съ одной стороны—умѣніе татаръ устоять противъ провокаторскихъ вліяній, постоянно толкающихъ ихъ на хищническіе подвиги по отношенію къ ихъ, до тѣхъ поръ мирнымъ сосѣдямъ. А во вторыхъ нужно армянамъ успокоиться и дружно приняться за культурное развитіе своихъ нынѣшнихъ „враговъ“. Татары въ массѣ не враги армянамъ, но легко поддаются наускиваніямъ со стороны именно вслѣдствіе недостаточной своей культурности. А устранить это не такъ трудно, какъ кажется съ перваго раза. Вслѣдствіе событій внутренней жизни Россіи за послѣдній годъ всколыхнулось до глубины все сонное царство въ нашемъ краѣ. Сознательные элементы растутъ у насъ не по днямъ, а по часамъ, и не далеко, можетъ быть, тотъ моментъ, когда нашъ крестьянинъ-мусульманинъ пойметъ всю дикость своихъ поступковъ и невыгодность вѣчныхъ столкновеній съ вооруженнымъ противникомъ. Для ускоренія наступленія этого момента армянамъ необходимо сблизиться съ татарами и глубже вникнуть въ свои взаимные съ ними интересы. Въ виду этого можетъ оказаться небезполезнымъ и предпологаемымъ съѣздъ. Разсчитывать же на особенную помощь нейтральныхъ элементовъ не приходится. Такъ теперь кипитъ жизнь вокругъ, такъ сильно задѣты нынѣшнимъ освободительнымъ движеніемъ интересы разныхъ національностей, что у каждой изъ нихъ слишкомъ много дѣла у себя дома, чтобъ еще успѣвать заниматься чужими. Да едва ли и есть у нихъ охота помочь сосѣдямъ. Кому неизвѣстно, съ какою настойчивостью велось при старомъ режимѣ взаимное натравливаніе у насъ одной національности на другую и какимъ фобствомъ проникнуты вслѣдствіе этого даже такіе элементы нашего общества, которые мнятъ себя прогрессивными и даже радикальными. Нужно, хоть и съ грустью, констатировать этотъ фактъ и принять энергическія мѣры къ устраненію его. Онъ несомнѣнно является очень опаснымъ тормазомъ при общемъ стремленіи къ радикальному измѣненію нынѣшняго гнилого строя.

Когда писались эти строки, началась по всему нашему краю, одновременно съ другими мѣстностями Россіи, новая грандіозная забастовка. Къ почтово-телеграфнымъ чиновникамъ присое-

динились желѣзно-дорожные служащіе и въ теченіе одного мѣсяца замерла вся жизнь. Въ это же время въ Москвѣ, Ригѣ, Батумѣ и многихъ другихъ городахъ происходили вооруженныя столкновения народа съ войсками. Междуусобица закончилась побѣдой войскъ, какъ и нужно было ожидать.

Въ данномъ случаѣ прискорбны не столько огромныя потери людьми и имуществомъ съ обѣихъ сторонъ, сколько нравственный уронъ, нанесенный этимъ поражениемъ освободительному движенію. Крайніе элементы еще ранѣе откололись отъ умѣренныхъ и внесли полную дезорганизацию въ это движеніе. Этимъ данъ сильный козырь въ руки реакціи. Прискорбно и то, что наиболѣе благоразумные элементы революціонныхъ партій заранѣе это предвидѣли, но не имѣли возможности предотвратить послѣдствія, не смогли сдержать увлеченія ослѣпленныхъ фанатиковъ идеи.

11-го декабря были высочайше утверждены правила о выборахъ въ государственную думу. Избирательныя права при этомъ расширены сравнительно съ закономъ 6-го августа, но всеобщее избирательное право все же не дано. Изъ числа избирателей исключены ремесленники, нѣкоторые разряды рабочихъ, лица, неимѣющія осѣдлости, неимѣющія особой для себя квартиры и опредѣленнаго содержанія.

Взамѣнъ ожидавшихся прямыхъ выборовъ даны выборы двухстепенные и трехстепенные (послѣдніе—для рабочихъ и крестьянъ).

Правила эти не касаются Кавказа, для котораго, нужно полагать, будутъ изданы особыя правила. О нихъ мы поговоримъ въ слѣдующій разъ.

Декабрь.

Г. Тумановъ.

Библиографія.

Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи. Книга VIII. Государственный строй древней Грузіи и древней Арменіи. Томъ I. Исслѣдованіе И. Джавахова. Спб. 1905 г.

Этотъ трудъ молодого ученаго, приватъ-доцента петербургскаго университета И. Джавахова, распадается на двѣ части въ первой разсматривается государственный строй древней Грузіи, во второй—древней Арменіи. Во введеніи первой части авторъ отмѣчаетъ съ одной стороны скудость матеріаловъ для разработки намѣченной задачи, съ другой—отсутствіе удовлетворительныхъ трудовъ, посвященныхъ изученію данного вопроса. Изъ всѣхъ авторовъ, занимавшихся изученіемъ государственнаго строя древней Грузіи, Джаваховъ отдаетъ предпочтеніе царевичу Теймуразу, которому въ книгѣ „Древняя исторія Иверіи“ удалось нарисовать картину древнѣйшей эпохи, близкую къ той, которая представлена самимъ Джаваховымъ на основаніи сравнительнаго изученія извѣстій греческихъ и туземныхъ историковъ. Въ первой части труда три главы: 1) социальный строй и происхожденіе царской власти, 2) территория, 3) населеніе. Разбирая описаніе государственнаго строя Грузіи Страбона въ первой главѣ, авторъ приходитъ къ выводу, что въ началѣ перваго вѣка нашей эры въ Грузіи частная собственность еще не существовала, имѣнія составляли общую родовую собственность и что родъ и родовой строй должны считаться основой не только социальной жизни, но и основой царской власти въ Грузіи.

На грузинскомъ языкѣ существуетъ два названія для обозначенія царя „мепэ“ и „хелмтципэ“, и оба по своему этимологическому составу означаютъ господина, властителя и употреблялись для обозначенія не только царской, но и всякой иной власти. Терминомъ родового строя для обозначенія административ-

ныхъ чиновъ грузинскаго государства служило слово „мамасах-лиси“, буквально отецъ дома, но реально обозначающей старшину, правителя области и главу государства. Въ Грузіи вся административная іерархія была организована на подобіе рода; вся она выросла изъ общиннородовыхъ институтовъ.

Слѣды родового строя, по мнѣнію Джавахова, сохранились въ Грузіи и въ терминологіи древнѣйшаго территориальнаго дѣленія государства. Такъ, слово „сахли“, домъ, употреблялось иногда для обозначенія большихъ территориальныхъ единицъ. Но обычными терминами для обозначенія территориальныхъ единицъ административнаго дѣленія грузинскаго государства были „хэви“, „куэдана“, „сопэли“, „калаки“ и „даба“. „Хэви“ означаетъ собственно ущелье. Дѣленіе страны на „хэви“ было основано на топографическихъ условіяхъ. Этотъ терминъ былъ принятъ и въ административномъ языкѣ и служилъ не только для обозначенія ущелья, но и для провинціи и даже страны. „Куэдана“ употреблялось для обозначенія большой территориальной единицы. „Сопэли“ теперь означаетъ село, но въ древнѣйшую эпоху это слово, обозначало населенную область, страну и, наконецъ, вселенную; въ послѣднемъ значеніи оно и теперь употребляется.

„Калаки“ означаетъ городъ. Слово это сирійское и происходитъ отъ глагола, означающаго окружать, огородить. Въ армянскомъ языкѣ это слово приняло форму „кагакъ“ или по древнему произношенію „калакъ“ и въ исторической литературѣ сохранило первоначальное значеніе ограды. Изъ описанія Ксенофонта видно, что въ древности въ мѣстностяхъ, населенныхъ картвельскими племенами, города собственно представляли изъ себя тѣ же деревни съ укрѣпленіями, иногда даже безъ постоянного населенія и жилья, и являлись оборонительными, а не торговыми центрами. Поэтому Джаваховъ полагаетъ, что вмѣсто заимствованнаго слова „калаки“ въ старину употреблялись „цихэ“, или „згудэ“, обозначающія по-грузински крѣпость. Въ эпоху Страбона въ восточной Грузіи, или въ Иберіи была уже развита городская жизнь, ибо, по словамъ этого географа, Иверія прекрасно заселена большею частью городами и селами, такъ что имѣются и черепичныя крыши и устройство жилищъ, согласно требованіямъ архитектуры, рынки и другія общественныя зданія. „Даба“ въ древнегрузинскомъ употребляется въ значеніи деревни. Это слово обозначаетъ воздѣланную, обработанную мѣстность, въ отличіе отъ необработанной, именуемой по-грузински „удабно“. Первоначальное значеніе этого сло-

ва сохранено еще въ сванскомъ, гдѣ „дѣб“ обозначаетъ только пашню.

Основной единицей социальнаго дѣленія грузинскаго народа былъ родъ; на грузинскомъ языкѣ существуетъ нѣсколько названій для передачи этого понятія: „гвари“ „натесави“ и „томи“. Последнее слово заимствовано съ персидскаго языка, на которомъ *tuxm* означаетъ сѣмя, родъ. Въ древнихъ грузинскихъ памятникахъ это слово не встрѣчается, а вмѣсто него употребляется „натесави“, слово грузинское, означающее „посѣянное“, равнозначущее заимствованному „томи“. Слово „гвари“—родъ, грузинское, но появляется въ употребленіи около IX-X вѣка и, вѣроятно, діалектическаго происхожденія. Слово „сахли“—домъ, тоже употребляется въ значеніи рода и сложное „сахлисъ-каци“ обозначаетъ сородича, однофамильца, дословно, челоуѣка дома. Такое же значеніе какъ „сахлисъ-каци“ или „сахлисъ-швили“ имѣетъ „гварисъ-швили“—сынъ рода. Термину „сахлисъ-швили“ равнозначущее заимствованное изъ персидскаго языка „сепе-тцули“, буквально сынъ дома—*vico-putra*. „Сепе-тцули“ на грузинскомъ языкѣ употребляется для обозначенія членовъ знатнаго рода или знатнаго дома. Лица знатнаго рода въ Грузіи извѣстны также подъ названіемъ *азнауфовъ*. *Aznaufi* (изъ *aznaveri*), какъ объяснилъ Н. Марръ, представляетъ слово, произведенное съ суффиксомъ *ig=ver* сынъ, отъ армянскаго *azn* родъ; такимъ образомъ „азнаури“ будетъ собственно обозначать *сынъ рода, родовитый*. Противоположный терминъ былъ „уазно“—*безродный*. Эти термины соотвѣтствуютъ грузинскимъ *гваріани* и *угваро*. Для обозначенія высшей градации употребляли терминъ *дидгваріани*, который обозначаетъ *члена большого рода*, т. е. члена многочисленнаго рода. Этотъ терминъ, по мнѣнію Джавахова, показываетъ, что въ древнѣйшую эпоху Грузіи какъ родъ, такъ и его отдѣльный членъ стоялъ тѣмъ выше, былъ тѣмъ вліятельнѣе, чѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ больше былъ родъ. *Азнаури* хотя этимологически имѣетъ смыслъ сына рода, родовитаго, но это слово употреблялось въ значеніи *свободный*, точно также какъ *уазно* (=арм. *аназатъ*) означало *несвободнаго*. Въ древней Грузіи специально военнаго сословія не было, не было организованнаго войска, а имѣлось на лицо только народное ополченіе. Поэтому въ древнѣйшей терминологіи существовало одно слово для обозначенія какъ народа, такъ войска. Это слово „эри“. Войско собиралось и выступало отдѣльно по племенамъ. Власть военная и гражданская находилась въ рукахъ начальника народа—„эри“ или эристава. Имѣются данныя о

томъ, что эриставское достоинство въ началѣ было выборно. На самой низкой ступени социальнаго строя въ древней Грузіи, по словамъ Страбона, стояли *oi Laoi*. Они представляли группу населенія, которая жила на землѣ царскаго рода и была обязана опредѣленными натуральными повинностями. У другихъ классовъ населенія къ началу I вѣка зависимыхъ людей не было, не было рабства. Для обозначенія сеньера у грузинъ довольно поздно входитъ въ употребленіе терминъ „патрони“ или „батони“; отъ латинскаго *patronus*. Въ древнѣйшую пору названіемъ господина было грузинское слово „упали“. Крѣпостные кліенты извѣстны подъ названіемъ „кма“, но въ древнѣйшую пору это слово служило для обозначенія дитяти или отрока. Обычное грузинское названіе раба было „мона“. Это слово, быть можетъ имѣетъ что-либо общее съ древне-персидскимъ *manijam* критскимъ *Mnos* въ значеніи кліента-крѣпостного.

Въ введеніи второй части своего труда Джаваховъ отмѣчаетъ неудовлетворительность работъ, посвященныхъ изученію государственнаго строя древней Арменіи, и заранѣе указываетъ, что при изученіи государственныхъ институтвъ Арменіи возможно было установить лишь эволюцію, стадии развитія, но приурочить къ какому-либо опредѣленному времени даже по основнымъ вопросамъ, какъ это сдѣлано, напр., по отношенію къ Грузіи, совершенно не удалось; классическіе писатели не даютъ для данной стороны дѣла необходимыхъ свѣдѣній. Эта часть работы содержитъ въ себѣ двѣ главы. Въ первой разсматривается территория, во второй—населеніе. Подвергая лингвистическому анализу терминъ „тунъ“—домъ, Джаваховъ находитъ, что онъ служитъ ячейкою или эмбриономъ, какъ социальныхъ, такъ и территориальныхъ единицъ и группъ. „Тунъ“ означаетъ, во-первыхъ, кругъ лицъ, связанныхъ кровными родственными узами, во-вторыхъ, онъ обозначаетъ область или районъ, находящійся подъ чьей либо административной властью, и, наконецъ, онъ получаетъ значеніе цѣлой страны, даже цѣлаго государства. Очевидно, первоначально исходнымъ пунктомъ социальнаго строя и социальнаго мышленія являлся „тунъ“, изъ него развился весь позднѣйшій общественный строй. Мѣстности дѣлились сообразно съ топографическими условіями на ущелья, „дзоръ“. Болѣе высшею единицею административнаго территориальнаго дѣленія являются терминъ „ашхарп“ и „еркиръ“, обозначающіе страну, землю. Названіе города, сирійское слово „какакъ“, въ древней литературѣ удержало первоначальное значеніе ограды. Большая часть названій армян-

скихъ городовъ представляютъ *composita* съ древне-персидскими суффиксами, названія городовъ „керъ“, „шат“, „аван“ и „анат“, напр.: Тигранакертъ Арташатъ, Аршакавацъ, Вагаршапатъ. Такимъ образомъ обозначенія городовъ, какъ по своему общему имени „какакъ“, такъ и по названіямъ отражаютъ въ себѣ чужеземное вліяніе, именно сирійско-древне-персидское. Деревня по-армянски называлась „гегъ“ и „аванъ“. Первое слово чисто армянское, второе—персидскаго происхожденія. Для названія крѣпостей существовали терминъ „бердъ“ и „амуръ“. Что подразумѣвалось подъ „агаракъ“, какая именно реальная величина, автору не удалось выяснитъ.

Основой социальнаго строя древней Арменіи служитъ родъ, это понятіе у армянъ обозначалось двумя словами: чисто армянскимъ „азгъ“ и древне-персидскимъ *tuhm*, *tohm*; и то и другое слово означаютъ семью, родъ и часто замѣняютъ другъ друга и употребляются у древнихъ и стариковъ одинъ вмѣсто другого. Органамъ управленія при родовомъ строѣ былъ *танутеръ*, лицо, въ вѣдѣніи котораго было все, что касалось общихъ всѣмъ членамъ рода дѣлъ. Танутеромъ бывалъ старшій членъ въ родѣ и сообразно съ этимъ должна была переходить эта должность по смерти одного къ другому. Наслѣдованіе царскаго достоинства происходило въ Арменіи въ древности тоже по порядку старшинства въ родѣ. Танутеры постепенно превращаются въ правителей, господъ областей, впоследствии это становится даже ихъ преимущественной обязанностью. Правители областей вообще назывались *терами* и *ишханами*. Слово *ишханъ* вначалѣ обозначало вообще всякую власть, полномочіе, безразлично, шла ли рѣчь о царѣ, или *нахарарѣ*, или епископѣ. Позднѣе *ишханъ* начинаетъ постепенно вытѣснять изъ употребленія слово *теръ*, какъ нѣкогда оно вытѣснило съ своей стороны слово *танутеръ*. Власть *ишхана* простиралась на территорию. Въ послѣдующую эпоху *танутеры* и *ишханы* назначались царемъ. Правители областей, или *ишханы* имѣли „*пативъ*“ и „*галь*“. Дѣйствительное значеніе этихъ словъ не выяснено. „*Пативъ*“ иногда означаетъ должность, иногда отличія и награды, которыя жаловалъ царь. *Галь* персидское слово; въ армянскомъ оно обозначало вообще мѣсто, потомъ территорию, находящуюся подъ властью какого либо должностнаго лица; въ болѣе тѣсномъ смыслѣ это слово означало административный центръ, резиденцію, гдѣ пребывалъ каждый правитель области. Наряду съ названіями *танутеръ* и *ишханъ* у армянскихъ историковъ постоянно можно встрѣтитъ терминъ „*сенуль*“; реальное значеніе

этого термина, по объясненію Н. Марра, есть „главный наслѣдникъ княжескаго рода“. Въ Арменіи сепуломъ назывался каждый членъ нахарарскаго рода, знатной фамиліи. Слово нахараръ, какъ выяснилъ Марръ, древне-персидскаго происхожденія и обозначаетъ главу, начальника области. Въ Арменіи оно было общимъ названіемъ всѣхъ членовъ родовой аристократіи. Особую отъ нахараровъ сословную группу составляли „азаты“, свободные, ниже ихъ стояли *рамики*, которые тоже считались свободными. Свободными были также *востинаки*, люди, которые происходили изъ области, принадлежавшей лично армянскому царю, словомъ *удильные*. Самую низшую социальную ступень армянскаго общества составляли *шинаканы*, поселяне. Когда и при какихъ условіяхъ возникло въ Арменіи социальное и правовое неравенство, за отсутствіемъ матеріаловъ остается не выясненнымъ.

Въ заключеніи И. Джаваховъ находитъ, что результаты, къ которымъ онъ пришелъ при изученіи государственнаго строя грузинъ и армянъ, не представляютъ изъ себя особенности, присущей только этимъ двумъ народностямъ; общинно-родовой строй находитъ себѣ яркое отраженіе въ территориальной и административной терминологіи персіянъ, сирійцевъ и арабовъ. У персіянъ слово „кэдхудъ“, буквально „господинъ дома“, означаетъ старшину деревни, правителя области и государя. У сирійцевъ слово „бэтъ“, домъ, употребляется и для обозначенія страны и даже цѣлаго государства. „Бэтъ“ означаетъ еще семью, племя и населеніе всего государства. Въ арабскомъ языкѣ слово „даръ“ означаетъ домъ, но въ то же самое время употребляется и по отношенію къ городу, и по отношенію къ странѣ; тоже самое нужно сказать и объ „авль“, оно имѣетъ смыслъ семьи, но употребляется и по отношенію къ городу. Такимъ образомъ анализъ государственной терминологіи устанавливаетъ, что и старшина деревни, и глава города и правитель области, всѣ носятъ одно и тоже названіе, обозначающее „отца дома“ или „господина дома“; у грузинъ — „мамасахлиси“, у армянъ „танутерь“, у персіянъ „кэдхуда“. Точно также всѣ административно—территориальныя единицы, начиная отъ самой маленькой вплоть до самаго большого организма: деревня, городъ, область, даже государство, носили названіе дома; на грузинскомъ „сахли“, армянскомъ — „тунъ“, сирійскомъ „бэтъ“, арабскомъ „бэйтъ“ и „даръ“.

Таковы интересные выходы И. Джавахова. Въ авторѣ безусловно замѣтны вдумчивость, серьезное отношеніе къ предмету

изслѣдованія, умѣніе анализировать намѣченные вопросы, но все же нарисованная имъ картина государственнаго строя древней Грузіи и древней Арменіи страдаетъ односторонностью. Причина этого, во-первыхъ, въ недостаточности историческихъ матеріаловъ, во-вторыхъ, въ томъ, что авторъ слишкомъ ограничилъ свою задачу, задавшись цѣлью изучить для выясненія государственнаго строя одни только историческіе памятники, безъ привлеченія къ дѣлу этнографическихъ и юридическихъ матеріаловъ. Работа въ сущности основана на изученіи административной и территориальной терминологіи Грузіи и Арменіи. Такое изученіе выясняетъ происхожденіе терминовъ, но не даетъ рѣльнаго содержанія ихъ. Важно, конечно, знать происхожденіе царской власти, но еще важнѣе выяснить объемъ этой власти въ ту или другую эпоху, знать функціи другихъ правителей и ихъ отношенія къ царю или суверену. На развитіе царской власти въ Грузіи и Арменіи имѣли больше вліяніе теченія, идущія изъ Персіи, Рима и Византіи, между тѣмъ эти вопросы почти не затронуты авторомъ; имъ и многимъ другимъ вопросамъ онъ обѣщаетъ посвятить спеціальныя изслѣдованія. Въ этихъ обѣщанныхъ трудахъ мы и увидимъ, вѣроятно, настоящую картину государственнаго строя Грузіи и Арменіи за послѣдующія, лучше извѣстныя изъ туземныхъ источниковъ, эпохи и для нихъ разбираемый трудъ составитъ интересное и необходимое введеніе. Отъ души пожелаемъ успѣха.

Марушіани.

Баратовскій томикъ. Критико біограф. очеркъ и избранныя стихотворенія Н. Бараташвили. Ц. 50 к.

Вышеназванный сборникъ изданъ въ память 60-лѣтія кончины талантливаго грузинскаго поэта Ник. Бараташвили и ко дню освященія памятника на могилѣ поэта. Мысль, что и говорить, удачная; къ сожалѣнію, намѣреніе это выполнено довольно неудачно. Въ книжкѣ помѣщены двѣ маленькія статьи, за подписью Артари Колумбо: одна состоитъ изъ повтореній біографическихъ свѣдѣній, уже извѣстныхъ изъ перепечатанныхъ статей другихъ авторовъ въ той же книжкѣ, другая написана по поводу освященія памятника поэту. Обѣ написаны довольно темно и безграмотно. Что же касается до перепечатки статей другихъ авторовъ, то онѣ изобилуютъ корректурными ошибками, затрудняющими ихъ чтеніе. Въ книжкѣ помѣщены нѣсколь-

ко стихотворений Бараташвили въ переводѣ на русскій языкъ, изъ которыхъ слѣдуетъ отмѣтить, какъ лучшіе, переводы Иванъ-да-Марьи. Затѣмъ, тамъ же мы находимъ нѣсколько вольныхъ переводовъ произведеній музы поэта и посвященій его памяти, а также три статьи: одна изъ „Тифл. Вѣст.“, другія двѣ—принадлежащія перу И. Хонели и Г. Туманова (изъ „характеристикъ и воспом.“). Въ размѣщеніи статей нѣтъ надлежащей системы. Къ книжкѣ приложены портретъ Бараташвили и снимки съ надмогильного памятника. Такъ какъ портрета поэта не осталось, то художникъ Момцелидзе по чертамъ лица сестры поэта, похожей на него, воспроизвелъ рисунокъ. Противъ подобной импровизации художника ничего нельзя возразить. Но когда этотъ портретъ является моделью для бюста, который ставится на памятникъ на могилѣ поэта, то это можетъ вызвать неудовольствие и ропотъ со стороны почитателей памяти покойнаго. Мы считали нужнымъ остановиться на недостаткахъ книжки потому, что выпустившая ее книгоиздательская фирма „Кавказовѣдѣніе“, повидимому, желаетъ дать цѣлую серію такихъ книжекъ. Желательно было бы избѣгнуть подобныхъ промаховъ въ послѣдующихъ выпускахъ.

К.

„Раны Кавказа“ соч. Аннуни. Изд. въ Женевѣ.

„Раны Кавказа“ изданы въ Женевѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на армянскомъ языкѣ редакціей „Дрошака“ и составлены, главнымъ образомъ, изъ статей, печатавшихся въ „Дрошака“ подъ общимъ заглавіемъ „Вѣсти съ Кавказа“. Авторъ, до сихъ скрывающій свое имя, обнаруживаетъ хорошую осведомленность въ кавказскихъ дѣлахъ и опытное публицистическое перо. Книга посвящена мартирологии закавказскихъ народовъ, въ частности армянъ, на почвѣ ихъ общественно-политической жизни и гоненій на нихъ. Авторъ касается преимущественно того, чего не пропустила бы цензура. Передъ нами проходитъ исторія закрытія школъ; раскрывается полный обскурантизмъ и грубая политика мѣстнаго попечителя и высшаго правительства, гдѣ полная неосведомленность соперничала съ преступнымъ канцелярскимъ равнодушіемъ къ духовнымъ интересамъ населенія. Далѣе идетъ кровавая эпопея съ отображеніемъ церковныхъ имуществъ. Подробно изложена исторія законодательства по отношенію церкви и школъ въ ихъ взаимной связи съ легкомысленными обвиненіями армянъ, построенными на ревизіи петербургскихъ чиновниковъ.

Извѣстно, что эта ревизія была сей-часъ же опровергнута съ фактами въ рукахъ кн. Ухтомскимъ, собравшимъ матеріалъ на мѣстѣ. Но было поздно, дѣло завертѣлось въ канцелярскомъ механизмѣ, и обвиненіе, построенное равнодушно на завѣдомо-невѣрномъ матеріалѣ, но канцелярски правильно, обрушилось на голову неповиннаго народа и сдѣлало его несчастіе. Затѣмъ слѣдуютъ очерки нравовъ закавказской администраціи, полиціи и въ частности цензуры съ той же ограниченностью и бесполезной жестокостью. Обстоятельно пересказывается печальная исторія съ армянскими переселенцами. Карсается авторъ и земельныхъ отношеній и другихъ вопросовъ закавказской дѣйствительности съ ея непорядками и дурными пастьями. Книга читается съ интересомъ и уже переведена на французскій языкъ съ предисловіемъ Прессанса. При нынѣшнихъ цензурныхъ условіяхъ надо надѣяться, что книга эта увидитъ свѣтъ и на русскомъ языкѣ. Особенно порекомендуемъ ее тогда нынѣшней высшей на Кавказѣ власти, съ удивленіемъ задающей вопросъ, почему армяне называютъ гоненія на нихъ систематическими. Книга эта даетъ полный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Г. Х.

Германія и ея политическая жизнь, Л. В. Новгородцева, изд. т-ва „Знаніе“. Ц. 1 р. 20 коп.

Авторъ этой книги, извѣстный профессоръ московскаго университета Л. В. Новгородцевъ, ставитъ себѣ задачей познакомить читателей съ германскими политическими партіями и дать кѣргану историческаго развитія послѣднихъ. Но такъ какъ вѣрное пониманіе происходящей въ Германіи политической борьбы невозможно безъ предварительнаго ознакомленія съ той социальной средой, въ которой она происходитъ, и того государственнаго строя, который до извѣстной степени опредѣляетъ ея форму, то очеркамъ политич. партій въ книгѣ предпосланы очерки, знакомящіе читателя съ государственнымъ строемъ, государственнымъ хозяйствомъ и общественными элементами Германіи. Въ книгѣ рядомъ съ общей характеристикой немало и статистическихъ данныхъ.

Свой трудъ авторъ составлялъ въ концѣ 1903 г., когда еще въ Россіи не предполагалось скорое введеніе народнаго представительства и когда интересъ русскихъ читателей къ полити-

ческой жизни Европы не былъ еще великъ. Поэтому краткія характеристики, даваемая книгой, могли удовлетворить *прежняго* читателя, но теперс онѣ представляются недостаточными. Такъ наприм., отводя въ книгѣ сравнительно много мѣста социаль-демократамъ, авторъ все же почти не упоминаетъ о результатахъ ихъ дѣятельности въ рейхстагѣ. Почти тоже и въ отношеніи другихъ партій. Особенно краткой намъ, кавказцамъ, представляется глава 9-я—о національныхъ партіяхъ (польской, эльзасъ-лотарнигской и датской), которымъ посвящены всего 4 страницы.

Тѣмъ не менѣе такая книга въ настоящее время далеко небезполезна. Ее можно рекомендовать какъ *первое* пособие, могущее облегчить дальнѣйшее знакомство съ германскими политическими партіями.

Книга написана достаточно элементарно для такихъ читателей, отличается ясностью и точностью изложенія и объективнымъ отношеніемъ къ борьбѣ партій.

Г. Т.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ въ 1904 г.

Главная цѣль кассы литераторовъ—товарищеская взаимопомощь. Члены ея пользуются тѣми выгодами, на которыя они получаютъ право и въ которыхъ касса не въ правѣ имъ отказать. Это правовое отношеніе между учрежденіемъ и его участниками служитъ удобною почвою, на которой могутъ сплотиться люди всевозможныхъ направленій, взглядовъ и стремленій.

Главнѣйшими операціями кассы являются страховая и пенсіонная. Каждый участникъ кассы, при своемъ вступленіи, указываетъ, по какому разряду платежей онъ желаетъ быть застрахованъ: низшій разрядъ страхования рублевый, высшій пятидесятирублевый; между этими предѣлами располагаются разряды въ 3, 5, 10, 15, 20 и 25 руб. Всякій разъ, какъ кого-либо изъ его товарищей по кассѣ постигаетъ смерть или тяжкая, неизлѣчимая болѣзнь, участникъ рублеваго разряда вноситъ рубль съ прибавкою 10% въ пенсіонный фондъ; если умершій участникъ 3 руб. разряда, то члены кассы, какъ этого, такъ и высшихъ разрядовъ, платятъ 3 р. 30 к.; для участника же 1 р. разряда неизмѣннымъ взносомъ остается 1 р. 10 к. Изъ всѣхъ этихъ взносовъ, за исключеніемъ лишь прибавки въ пенсіонный фондъ, составляется та сумма, которая выдается правопреемнику члена кассы или ему самому, въ случаѣ его инвалидности. Въ виду увеличенія числа членовъ пришлось составить двѣ группы—основную и параллельную. Выдачи въ настоящее время колеблются между 337 р. и 3.384 р., въ зависимости отъ разряда участника.

Пенсіонный капиталъ кассы составляется прежде всего изъ обязательныхъ взносовъ ея участниковъ (10% прибавки), затѣмъ, онъ пополняется пожертвованіями и разными поступлениями съ специально устроенныхъ вечеровъ, концертовъ и т. п.; въ послѣднее время значительнымъ приростомъ пенсіонный капиталъ обязанъ взносамъ со стороны издателей временныхъ изданій за перепечатки.

Всѣхъ членовъ кассы на 1905 г. состояло 709, изъ нихъ числилось: по основной группѣ 500 членовъ, по параллельной 338. По центральному (петербургскому) правленію числилось 445, по отдѣленіямъ 264, изъ послѣднихъ—по московскому—по кіевскому 43 и по юрьевскому 51. Въ текущемъ 1905 г. открыто одесское отдѣленіе. Въ отчетномъ году было 13 случаевъ, вызвавшихъ выдачу поразрядныхъ суммъ: 11 по одной основной группѣ, 1 по основной и параллельной и 1 только по параллельной. Выдача изъ кассы за члена, состоявшего по 1 р. разряду, составляла 499 р. по основной группѣ и 307 р. по параллельной; для 5 руб. разряда 1.281 р. по основной группѣ и 761 р. по параллельной; для 5 руб. разряда 1.717 р. для основной и 997 р. для параллельной и, наконецъ, для 50 руб. разряда 2.247 р. для основной группы.

Платежи членовъ основной группы въ зависимости отъ разрядовъ составляли отъ 2.63% тѣхъ денежныхъ выгодъ, которыя предоставлялись кассою правопреемникамъ; платежи членовъ параллельной группы составляли отъ 0,71% до 0,82%.

Къ 1-го января 1905 г. въ кассѣ состояло 79.173 р. 22½ к.; въ частности капиталы представляются въ слѣдующемъ видѣ: расходный капиталъ основной группы 3.374 р. 77 к., расходный капиталъ параллельной группы 4.374 р. 39 к., запасный 6.488 р. 37 к. и пенсіонный 64.500 р. 54 к. Пенсіями пользовались семь членовъ кассы, въ томъ числѣ пять членовъ-учредителей, всего на сумму 2.580 р. Въ настоящее время проценты съ пенсіоннаго капитала составляютъ 2.757 р. 37½ к. Въ 1905 г. касса получила крупное пожертвованіе по доховному завѣщанію Н. А. Фирсова болѣе 140.000 рублей.

Открыта подписка на 1906 годъ
на новый еженедѣльный общественно-литератур-
ный журналъ

«**НОВАЯ ЖИЗНЬ**»

Подписка принимается въ главной конторѣ „НОВОЙ ЖИЗНИ“.

Москва, Тверская, Мамоновскій пер., д. Карякиной

въ будни—отъ 9 ч. утра до 6 ч. веч., по праздникамъ—отъ 11 ч. утра до 4 час. дня.

Подписная цѣна, 50 №№ въ годъ, съ пересылкой и доставкой:

На годъ	3 руб.
„ полгода	2 „
„ ¼ года	1 „

„НОВАЯ ЖИЗНЬ“, зародившись въ эпоху великой освободительной работы русскаго общества, ставитъ своей задачей содѣйствіе этой работѣ, успѣхъ которой всецѣло зависитъ отъ роста общественнаго самосознанія въ широкихъ слояхъ населенія и, въ частности, среди трудящихся классовъ. Защита интересовъ этихъ классовъ и служеніе идеаламъ ихъ нормальнаго правового и экономическаго положенія,—вотъ знамя, котораго неуклонно намѣрена держаться „НОВАЯ ЖИЗНЬ“.

Въ „НОВОЙ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе:

Леонидъ Андреевъ, Ю. И. Айхенвальдъ, М. М. Богословскій, И. А. Бунинъ, М. В. Веселовская, Ю. А. Веселовскій, О. Вслжанинъ, Н. Голантъ, А. К. Дживелеговъ, Д. Н. Егоровъ, И. Н. Игнатовъ, А. А. Кизевсттеръ, М. Н. Коваленскій, Н. А. Крашенинниковъ, Максъ-Ли, С. П. Мельгуновъ, Н. К. Муравьевъ, С. А. Найденовъ, Н. М. Никольскій, Н. Н. Оглоблинъ, М. Н. Покровскій, Н. А. Рожковъ, П. Н. Сакулинъ, В. Н. Сторожевъ, Танъ, Н. Д. Телешовъ, Н. И. Тимковскій, А. С. Хахановъ, Е. Н. Чириковъ, С. А. Шумаковъ и др.

Первый № выйдетъ въ свѣтъ 1-го декабря 1905 г. и будетъ немедленно разосланъ всѣмъ подписавшимся.

Редакторъ-издатель **Н. А. Брашенинниковъ.**

Зр.

Открыта подписка на 1906 годъ.

на ежедневную политическую, общественную и литературную газету

НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(XXII-й годъ изданія),

выходящую въ Тифлисѣ подъ новой редакціей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА какъ для городскихъ, такъ и иногороднихъ подписчиковъ съ доставкой и пересылкой до **КОНЦА** года.

На 4 мѣс.—3 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 2 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—1 р. *За границу вдвое.*

ПОДПИСКА въ городѣ съ 1 го и 15-го числа каждаго мѣсяца принимается въ главной конторѣ газеты (Тифлисѣ, Баятинская, 8) а также въ провинціальныхъ отдѣленіяхъ конторы.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ: въ Баку—Николаевская ул., книжн. маг. „Сотрудникъ“, Сундукьянцъ; въ Батумѣ—у Д. Даниелана; въ Кутаисѣ—книжн. маг. В. Бежанейшвили; въ Гори—при книжномъ маг. Мих. Арчвадзе; въ Сухумѣ—при книжномъ магазинѣ И. І. Гогиджанова; въ Елисаветполѣ у С. Сардарова.

Объявленія отъ лицъ, фирмъ и учреждений, живущихъ или имѣющихъ свои главныя конторы или правленія внѣ Кавказскаго края, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о, МОСКВА, Мясницкая, домъ Сытова, и въ его отдѣленіяхъ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Морская, 11; ВАРШАВѢ, Краковское предмѣстье, 53; ПАРИЖѢ, 8, площадь Биржи, и печатаются по 8 коп. за строку петита позади текста; на первой страницѣ по 15 коп. Для многократныхъ объявленій, а для лицъ, ищущихъ труда и личныхъ занятій скидка 50 проц.

Телефонъ редакціи 80, типографіи 372.

Съ 1-го Сентября 1905 г.

ВОЗОВОИЛОСЪ

изданіе ежемѣсячнаго журнала

„КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

подъ новой редакціей.

Цѣль журнала—отражать національную, общественную и экономическую жизнь разноплеменнаго Кавказа, выдвигать и разрабатывать вопросы мѣстной жизни, и служить объединяющимъ литературнымъ органомъ кавказскихъ народовъ. Такимъ образомъ: „Кавказскій Вѣстникъ“ будетъ органомъ для взаимнаго ознакомленія мѣстныхъ народовъ и—русскаго съ послѣдними.

Программа: Беллетристика оригинальная и переводная (преимущественно кавказская). Стихотворенія. Статьи по общественнымъ, политическимъ и экономическимъ вопросамъ, касающимся Кавказа и сосѣдняго Востока. Библиографія. Научныя статьи. Статьи по исторіи Кавказа. Обзоръ печати. *Кромь того.*

Постоянные отдѣлы: 1. „Кавказская хроника“ (ежемѣсячно), 2. „Изъ грузинской жизни литературы и печати“ (6 разъ въ годъ), 3. „Изъ армянской жизни, литературы и печати“ (6 разъ въ годъ), 4. „Изъ татарской жизни и литературы“ (3 раза въ годъ) и 5) „Восточное Обозрѣніе“ (ежемѣсячно).

Условія подписки: съ Сентября до конца 1905 г. съ пересылкой и доставкой 3 р.

Подписчики армянск. газ. „Аршалуйсъ“ и ежемѣсячнаго журн. „Кавказскій Вѣстникъ“ платятъ за оба изданія вмѣстѣ за то же время 3 р. 75 к.; подписчики груз. газеты „Цнобисъ Пурцели“ доплачиваютъ за ж. „Кавказскій Вѣстникъ“ 1 р. 40 к. За помѣщеніе объявленій въ „К. В.“ взимается за $\frac{1}{4}$ стр.—10 р., за $\frac{1}{2}$ стр.—6 р. и за $\frac{1}{4}$ —4 р. Съ объявленій авторовъ объ ихъ произведеніяхъ дѣлается скидка въ 20%.

Подписка на журналъ а также на арм. газету „Аршалуйсъ“ принимается въ Тифлисѣ: въ конт. „Кавк. В.“ на Гановской ул. № 11, въ „Центр. Книжн. Торговль“, въ кн. магаз. „Гуттенберга“, Тараева, Хиддекея и Браилко, въ Батумѣ у г. Пилойна, (контора Батумск. отд. О-ва для добыванія нефти и жидкаго топлива), въ Баку въ кн. маг. „Сотрудникъ“.

Въ конторѣ „Кавк. Вѣстника“ имѣются для продажи какъ полные комплекты, такъ и отдѣльные №№ журнала за прошедшіе годы. Цѣна каждаго № въ отдѣльности 1 р. 25 к., комплекты за 1900 г. по 13 р., за 1901 г. по 12 р. и 1902 г. по 10 р. Цѣны указаны безъ пересылки.

Редакторы: { Р. А. Іоаннисіани.
Г. П. Меликъ-Каракозовъ.

Издатель Г. П. Меликъ-Каракозовъ.